

Наталья Сысойкина

dzen.ru/vkusnye_rassказы

ВКУСНЫЕ рассказы

Истории, приправленные добротой,
теплом души и любовью

|||||
рассказы рунета

Наталья В. Сысойкина
Вкусные рассказы. Истории,
приправленные добротой,
теплом души и любовью
Серия «Рассказы Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70064383

*Сысойкина, Наталья. Вкусные рассказы. Истории, приправленные добротой, теплом души и любовью: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-159669-9*

Аннотация

Наталья Сысойкина – российская писательница, известная короткими житейскими рассказами, которые публикует на своем Дзен-канале. Количество подписчиков на канале Натальи «Вкусные рассказы» насчитывает более 75 тысяч и продолжает расти.

В книге «Вкусные рассказы. Истории, приправленные добротой, теплом души и любовью» каждый рассказ – это маленькая жизнь, заслуживающая внимания. Обыденные моменты превращаются в потрясающие истории, где героями являются обычные люди, которые переживают радости и трудности, взлеты и падения. Автор ловко передает разные

эмоции в каждой строчке, оставляя читателя с чувством вдохновения и понимания.

С этой книгой вы сможете окунуться в мир, где любовь и доброта всегда преобладают, а счастливый финал становится лишь началом новых возможностей. «Вкусные рассказы» – это истории, которые оставят теплое и трогательное послевкусие в вашей душе.

Содержание

Его ребёнок	6
Сапоги	15
Жена с помойки	21
Чистое полотенце	34
Мужик в юбке	46
Кто эта женщина?	53
«Шерше ля фам»	61
Фальшивая жена	67
Одумался	74
Свадебное платье	81
Телеграмма	89
Бывшая тёща	98
Возвращение	108
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Сысойкина Наталья
Вкусные рассказы.
Истории, приправленные
добротой, теплом
души и любовью

© Сысойкина Н., текст, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Его ребёнок

Маша забеременела рано, ей не было ещё и восемнадцати лет. Серёжка ходил по округе грудь колесом. Я отец. В восемнадцать какой там отец. Родители новоиспечённого мужа не были довольны ни городской невестой, которая забеременела, приехав после выпускного к бабушке на летние каникулы, ни скорой женитьбой. Свадьбу сыграли сразу же осенью, позвав больше соседей, чем родственников.

С Машиной стороны бабка из деревни неподалёку приехала, родители и городская подружка. С Серёжкиной – родители, дядя с тётей, куча дружков и ближайшие соседи. Вот и вся свадьба. Под яблоней накрыли столы. Просто и подеревенски. Орала до утра и пили настойку собственного производства, закусывая яблоками, которые срывали прямо с дерева.

Маша всего этого немного сторонилась. Она привыкла к спокойным застольям с одной бутылкой вина на пятерых взрослых, под разговоры о походах в театр и на выставки. В диковинку ей были сенокос, полная стайка скота, тяжёлый труд, ежедневное приготовление еды огромными кастрюлями. Теперь на её хрупкие плечи легли ещё и заботы о плачущем кульке.

Хоронить Машу пришли тем же составом через полтора года. Серёжка стоял чуть поодаль и держал всё так же орущую подросткую дочь, не зная, что ему делать. Первое время мать снова взяла на себя обязанности по дому, растила внучку, везде таская за собой.

– Соня-засоня, давай ножками быстрее перебирай, – подталкивала легко коленкой засмотревшуюся внучку бабушка. Вёдра с водой, привыкшие к определённом ритму, застывали на секунду в воздухе и выплёскивали воду на тропинку и в калоши бабушке.

– Ить ты, – бормотала мать Сергея, пытаясь поторапливать двухлетнюю девочку.

– Вера Ивановна, давайте с вёдрами помогу, – обогнав женщину, предложила девушка.

– Яна, я тебя не узнала. В гости к родителям приехала? – поинтересовалась женщина, – ты лучше Соню поторопи, не могу с ней в ногу идти, вода плещется.

– Всё, выучилась, вернулась домой, – прищуриваясь от яркого солнца, ответила девушка.

– Серёжина дочка? – спросила она, подхватывая малышку на руки.

– Ага, – подтвердила Вера Ивановна, мельком взглянув на Янины ноги. Спрашивать неудобно было, но что девушка

хромая с детства, видно не было.

– А я вот обувь на заказ себе шью, даже не заметно, – будто отвечая на немой вопрос, опередила Яна.

– Молодец. Замуж вышла? – поинтересовалась Вера Ивановна, чтобы поддержать разговор, но после пожалела, что спросила. Хромоногую девчущку даже со смазливym личиком возьмут в жёны в последнюю очередь. В Яне всё было складно, даже характер и трудолюбие, а физическая особенность подкачала.

– Не вышла. Да и рано мне.

– Ну да, ну да. Мой младший вон женился так рано, теперь я внучку тяну. Соню-засоню.

– Хорошенькая малышка, – ответила Яна.

– Будет время, ты забеги ко мне. Три рулона ткани лежат, может тебе пригодятся, отдам недорого.

– Забегу, Вера Ивановна, – спуская с рук девчонку, обещала Яна.

Малышка захныкала, как только её спустили на землю, заупрявилась и села в траву.

– Говорю же, Соня-засоня, – посетовала женщина.

Яна снова взяла девочку на руки и погладила по голове.

– Руки любит она, маленькая совсем. Без ласки тяжело.

– Конечно, тяжело. А мне когда её таскать – всё хозяйство на мне. Посажу её за загородку и играет она там.

И закрутилось всё, замоталось в один клубок. Уже и не вспомнить, как так получилось, что стала частенько Яна заглядывать к Селивёрстовым.

– Няня, Яня, – звала девушку Соня.

– Ты присмотришь к Яне, – шептала при возможности Вера Ивановна сыну. – Дочка вон как к ней тянется. Вчера «мамой» назвала, у меня аж слёзы на глазах выступили. Девка хорошая, работающая, красивая.

– Хромая она, мам, – парировал Сергей.

– Да знаю я, что хромая. Только тебе жена нужна, а Соньке – мать. Заставлять не буду, но и долго во вдовцах засиживаться смысла нет. Жизнь она как птичка, вспорхнула и нет её уже.

Сергей недолго думал, в конце следующей недели проводил домой Яну, а через месяц предложение сделал.

Мать Яны сразу согласилась. А Яна засомневалась.

– Ребёнок у него.

– И что? Его же ребёнок.

– Его. Но одно дело играть с чужим ребёнком, а другое любить и ответственность за него нести всю жизнь. Замуж за Сергея выходить – это не только за него, – за него и дочь его.

– Девочка только тебя матерью называет, никого другого не принимает даже. А ты? Зачем ребёнку надежду давала?

Да и кто тебя больше замуж-то возьмёт?

– Мам!

– Что мам? Радоваться надо, что Сергей в жёны берёт.

Сергей Яне нравился. Но Соню она не любила так, как хотела. И этой нелюбви больше всего боялась. Сергей же требовал ответа. И эта ситуация, накалившись до предела, разрешилась только к осени.

Яна собрала вещи и уехала работать в город. Сергей тоже весь ушёл в работу: сбор урожая, ремонт трактора и заботы по дому. А Соня скучала. Её раньше вздёрнутый носик опустился, а радостный голосок умолк.

* * *

Яна шла по тропинке вдоль реки, сняв платок и методично им размахивая. Мошкара и комарьё вились рядом, не давая вдоволь надышаться родным воздухом. Проработав до весны, Яна уволилась и поехала домой на лето. Летом много работы и дома родители пожилые, требующие не только внимания, но и помощи.

– Ма-ма! – услышала Яна и обернулась.

На противоположной стороне реки с вершины небольшого склона сбегала Соня. Её звонкий голос эхом расстилался по всему пространству и огибал берега.

– Стой! – закричала Яна, понимая, что Соня сейчас упадёт.

Но девочка бежала вперёд. Неширокая и мелкая речушка разделяла их. Добежав до края, Соня резко остановилась, замахала в воздухе руками и не удержалась и полетела вперёд. Яна уже снимала сапоги и куртку.

– Куда же ты, девочка! Куда тебя несёт, – дохромав до своего берега, приговаривала себе под нос Яна. Она не оставиваясь, прыгнула в воду.

Наверху уже очень близко кричал Сергей, потерявший Соню.

– Вот зачем прыгнула, дурёха? А если бы разбилась? – рыдая, ругала Яна девочку, завернув в свою куртку и выжимая её вещи.

– Мам, а ты не уйдёшь больше? – обнимая Яну, рыдала вместе с ней девочка.

– Отец хворостину возьмёт и нас с тобой накажет, что ты в холодную воду упала.

Яна посмотрела на тот берег и крикнула мужчине:

– Всё хорошо, до моста иди.

Рядом с женщиной вдруг возникла женщина. Из-за слёз и волнения Яна не поняла, кто она. По дороге к мостику девушка не выдержала и спросила у девочки:

– А кто это с папой и с тобой гулял?

– Полька! – зло ответила Соня и плюнула на дорогу.

– Соня, ну что за манеры.

– Так дедушка говорит, когда видит тётю Полю, – радостным голосом ответила девочка, – оставили меня на поляне,

а сами пошли берёзовый сок собирать.

– Ясно, – кивнула Яна, – знаем мы тётю Полю, знаем.

Полина работала в кафе «У развилки» и была известна не только Яне, но и всему мужскому населению деревни, а посему и женскому.

– Принимай беглянку, – протягивая руку, в которой была зажата маленькая ручонка, Яна замялась.

– Вернулась? – спросил Сергей.

– Огород надо растить, некому больше.

– Вещи давай, Соня пойдёт сама, – отрезал Сергей, – куртку держи, в свою заверну.

– А... Полина где? – оборачиваясь, спросила Яна.

– Вдвоём мы были с Соней, показалось тебе, – ответил Сергей.

– А, ну да, ну да, – ответила Яна.

Всю дорогу Яна с Сергеем молчали. Каждому из них хотелось что-то сказать другому. Но молчание никто нарушать не смел. Так и дошли до дома Селивёрстовых.

– Соня, иди домой, я тётю Яну провожу, сумки донесу.

Шли намеренно медленно.

– Не холодно тебе? Ты же мокрая, – опомнился Сергей.

– Ничего, главное с Соней всё хорошо, я почти высохла.

Как думаешь, не заболит?

– Мать мне твоя сказала, что ты из-за Сони не пошла за меня, – перевёл разговор Сергей.

Яна опустила голову.

– Так?

– Так, – подтвердила Яна.

– Дети всё чувствуют. Лучше нас, взрослых. Ни к кому так дочь не относилась и не относится, как к тебе. Значит, ты с ней искренна. А это ли не любовь? Вот сейчас шли. Тебя за руку держала, не меня.

– Соскучилась, – сделала вывод Яна.

– Я настаивать не буду, но знай, сейчас тебя увидел на том берегу и как Сонька – хотел сигануть с берега.

– Что же не сиганул? – Яна посмотрела на него своими карими глазами.

– Думаешь, я из-за Сони? И из-за неё, и из-за себя.

– А хочешь, я дочь с родителями оставлю и поедем в город жить? Сами, – Сергей остановился и даже ошалел от такой своей решимости.

– Нет, ты что, как мы Соню бросим. Нет.

– Ладно, а то мне тоже без Соньки плохо. Ну, вот и договорились. Да?

– Да.

* * *

Свадьбу играть не стали. Расписались тихо-мирно. Но платье белое у невесты было. Будущий муж даже туфли специальные заказал. Пусть Яна один день, но чувствует себя королевой. Родители, свидетели – всё как положено. И Со-

нечка в пышном розовом платье.

Через два года родился Павлик.

Соня с отцом пришли в больницу забирать Яну с малышом, и девочка подошла к пеленальному столику. Она аккуратно попыталась вытянуть согнутые ножки, пока медперсонал перебирал пелёнки, и, повернувшись к Яне, радостно сообщила:

– Одинаковые!

Яна, улыбаясь, кивнула.

Сапоги

– Сидит твой папка! – орал тринадцатилетний Сенька, широко расставив свои руки и нависая над первоклассником Лёнкой.

Лёнка, краснея, злился ещё больше. Он не придумал ничего лучше, как разбежаться и головой ударить Сеньку в живот.

Сенька от неожиданности упал и стал ныть.

– У-у-у, ду-рак. Твоя мать моей сама рассказывала, я подслушал. Ещё полгода осталось отбывать.

Лёнка взял огромные кирзовые сапоги в руки и босиком пошёл домой.

* * *

С утра лил дождь, наполняя ямки и скапливаясь в огромных лужах. За мокрые школьные сапоги Лёне попало бы от матери, и мальчик поставил стул в коридоре и достал из шкафа отцовы кирзовые сапоги.

Когда отец уходил в последний раз, в коридоре почему-то было многолюдно. Мать прикрыла дверь, чтобы мальчик не видел того, что происходит. А Лёнка подглядывал в маленькую щель. Отец ушёл с мужчинами в милицейской форме,

а старые сапоги остались в коридоре. Мать убрала их далеко в шкаф, не выбросила.

В сапогах было невероятно удобно бороздить разливающиеся лужи. Первые две. Потом сапоги словно губка стали быстро впитывать влагу. Лёнька выскочил на сухое место и принялся снимать сапог, выливая воду.

– Чего это ты вырядился, сапоги старые нацепил? – поинтересовался у Лёньки сосед Сенька.

– Папкины это сапоги, ему на севере они не нужны, вот и оставил дома, мне носить.

– Ха-ха, какой север, зэк твой папка.

– Чего? – Лёнька смешно уткнул руки в бока.

– Сидит, говорю.

– Полярник! – заорал Лёнька.

– Вор! – ответил ему Сенька.

* * *

Вернувшаяся с работы мать наступила в образовавшуюся в коридоре лужу и громко позвала сына:

– Лё-ё-ёнь.

– Чего, мам?

– Это я хочу спросить, чего? Собаку, что ли, притащил?

– Нет, я в папкиных сапогах на улицу ходил, промокли.

Татьяна смягчила суровое выражение лица, а Леонид пошёл в ванную комнату за тряпкой.

– Вытру, сапоги высушу, – сообщил он и также, между прочим, спросил, – отец в тюрьме?

– Чего удумал, – мать обулась и схватила сапоги, – выкинем, делов-то.

– Нет! – Лёнька вцепился в сапоги, – это папкины, нельзя. Вернётся, а обуть нечего.

Мать прижала сына к себе так сильно, как смогла, и держала, чтобы он не видел слёз, поглаживая по голове. Недели две назад Таня получила от мужа письмо о том, что он освобождён досрочно, но домой не вернётся. Развод даст. Просит простить и начать жить заново. Как устроится, сразу будет посылать сыну деньги.

Таня все эти две недели ходила сама не своя, не зная, куда себя деть. Ведь ждала, письма писала. Ездила даже несколько раз. Но на письма не отвечал, на встречи не приходил. Стыдно было, подвёл себя, семью. Лёгкие деньги поманили. Решил, что без него Таня сможет начать жить с чистого листа. Не учёл, что городок маленький, всё все о друг друге знают.

– Задушишь, мам, – выворачивался сын, догадавшись, что мать скрывает правду. – А сапоги оставь, пригодятся.

* * *

Серые, хмурые дни стали сменяться морозными. Временами шёл белый снег, долетал до земли и таял или смешивался с дождем.

вался с грязью и становился одного с нею цвета.

Во дворе у Лёнькиного дома всё так же не смолкали ребячьи голоса. Детвора играла в футбол и казаков-разбойников, строила из найденных досок убежище.

– Лё-ё-ё-ёнь-ка, – заорал мальчишка из первой квартиры, забегая во двор с огромной палкой. Палка мешала бежать быстро, и он её бросил, устремившись в кучу ребятни, разыскивая глазами нужного мальчика. – Папка приехал, беги, идёт к арке.

У Лёньки от неожиданной вести подкосились ноги, бежал он, как ему казалось медленно, едва передвигая ватными ногами.

В арке действительно шёл высокий мужчина, такой же жгучий брюнет с чёрными глазами, как у Лёньки.

– Папка, папка, – тихонько шептал Лёнька. Отца он помнил плохо. Последний раз он видел его в три с половиной года. На фотографиях тот стоял далеко, даже на свадебных фотографиях отец везде получился размыто. Но подбежав, Лёнька понял, что это не отец. Это Виктор, брат матери.

Мужчина улыбался так широко и радостно, протягивая руки, явно узнав племянника, что Лёнька, не думая, упал в его объятия.

Мальчишки, бросившиеся к арке за Лёнькой, остановились чуть поодаль.

– Привет, родной! – мужчина крепко обнимал мальчишку.

– Смотри, что привёз! – и дядя вытащил из огромного рюкзака клык медведя на кожаном шнурке, – держи! – и Виктор торжественно повесил сувенир на шею мальчику.

Ребята тут же обступили Лёньку, охая и ухая. Улюлюканье перешло в восторженные возгласы, когда дядя из большого рюкзака достал маленькие унты с бело-серым мехом.

Лёнька прижал подарок к себе и сжал губы, чтобы не расплакаться. С этого времени во дворе каждый день ребята просили Лёньку дать потрогать клык и унты, когда тот выходил гулять. Унты Лёнька носил и на следующий год, уже без шерстяного носка, который и не был нужен. Правда, в конце зимы пришлось подгибать пальцы, да и мех выглядел не таким уже и белым, но это не смущало мальчика.

Дома пили чай с вареньем из морошки, долго сидели на кухне, и когда разгорячённый Лёнька стал клевать носом, его отправили спать.

– Большеваты унты, вернись на север, давай меньше размером отправлю, – сетовал Виктор.

Таня замахала руками:

– Не надо, с шерстяным носком хорошо будут, да и зима только начинается, ножка подрастёт.

– Сама как? – брат пристально посмотрел на сестру.

Она опустила глаза, чтобы не выдать намернувшихся слёз. Виктор приехал специально, взял недельный отпуск и прилетел.

– Ничего, – Виктор чуть тронул её за плечо, – я всегда по-

могал и теперь не оставлю, получаю достаточно, на две семьи хватит, не волнуйся.

– Спасибо тебе, ты всегда меня выручаешь, – ответила сестра и разрыдалась.

* * *

Через двадцать лет, разбирая на дачном чердаке залежи хлама, Леонид нашёл чемодан, в котором лежали старые отцовские кирзовые сапоги и маленькие унты. Унты он вынул и слегка встряхнул. Старые сапоги засунул в мешок, чтобы потом выкинуть вместе с мусором. Выкинуть вместе с воспоминаниями об отце, который так больше и не появился в его жизни.

– Ребятишкам понравятся сапожки, помнишь, мне дядя Витя привёз? – спустившись, Леонид подал сапоги матери.

– Помню, Лёничка, тёплые унты, теперь такие не шьют. Слушай, и клык ведь где-то лежит, я его приберегла.

– Да? Надо поискать, счастливые были времена. Ты и я, правда же?

– Правда, сыночек, правда.

Жена с помойки

– Сходил бы куда-нибудь, с отцом на рыбалку съездил, что целыми днями дома валяться?

– Я не валяюсь, вчера окна помыл.

– Вижу. Я уже давно хотела тебе шторы постирать да окна помыть, а ты сам. Это, правда, сыночек, хорошо. Но и в четырёх стенах себя закрывать не нужно. Тебе сорок пять! – мать открыла холодильник и поставила на полку контейнеры с малосольными огурцами и холодцом.

– Сорок пять! – повторил с грустью сын.

– Ещё и жениться можно, детей нарожать. Внуков хочу.

– У Жанны же есть дети.

– А я от тебя хочу внуков, а не от твоей сестры.

Мать мельком взглянула на сына и, отвернувшись, спросила:

– На могилке был?

– Да. Вчера.

– Уже пять лет, как Лены нет. Артём! Жизнь пройдёт – и не заметишь! Уже седые волосы появились.

– Mam, не начинай. Мне неприятен этот разговор.

– Ты же знаешь, что я хочу тебе только хорошего. Кстати, ты вещи Лены перебрал? Нужно освободить всё, место только занимают.

– Не могу я, мам, рука не поднимается.

– Давай я, в выходные зайду и переберу. Хорошие вещи можно отдать нуждающимся, что-то и выкинуть уже надо. И тебе легче станет.

Артём кивнул в знак согласия. Мать тоже облегчённо вздохнула.

Провожая её, уже у двери Артём приобнял мать.

За последние пять лет сын сильно похудел, появились первые седые волосы. И теперь перед матерью стоял высокий, тощий мальчишка, больше напоминающий нескладного подростка со взрослым лицом, чем мужчину.

Мать всё чаще заглядывала к сыну, приносила домашнюю еду, баловала стряпнёй и всячески оберегала. Внезапный уход жены буквально через месяц изменил сына до неузнаваемости. Некогда весёлый и энергичный мужчина, казалось, угасал день за днём.

Свой старый гардероб Артём отнёс к мусорным бакам не задумываясь, почти все вещи висели на нём, смотрелись несуразно и только занимали место, а вот прикоснуться к вещам жены не смог. Что-то забрала сестра, но с её округлыми формами и высоким ростом выбирать было не из чего.

* * *

Наступила суббота, и мать пришла выполнить что обещала. Она распахнула дверцы платяного шкафа и, уперев руки в бока, долго стояла, разглядывая содержимое. Открыла

второе отделение с полками и опять задумалась.

Потом обернулась и увидела Артёма, потерянно и обречённо смотревшего на происходящее.

Сердце матери бешено заколотилось, она быстро взяла пару домашних кофт и халатов и сложила в небольшой пакет.

– Так, это отнеси к мусорным бакам, повесь на боковушку.

Мать осознанно отправила сына, чтобы разобрать вещи без него. Артём обулся и открыл входную дверь.

– Ещё молока возьми в магазине, я блинчиков испеку тебе.

Артём вышел во двор и достал пачку сигарет. Прохладный осенний воздух забрался за ворот куртки и остановил мужчину. Артём поёжился и убрал пачку в карман. У мусорных баков он остановился и, вспомнив, что мать сказала не выбросить, а повесить пакет, так и сделал. До магазина было идти минут пять.

Возвращаясь домой, Артём остановился у подъезда, вновь достал пачку из кармана и стал искать зажигалку. Повернулся. У мусорных баков стояла женщина. Она раскрыла пакет, который оставил Артём, и принялась доставать из него вещи. Одну кофточку расправила и осмотрела.

Артёма внезапно одолел кашель, а в перерывах, когда отпускаяло, он стал жадно глотать воздух. Женщина же, услышав звуки позади себя, быстро свернула вещь и оглянулась, словно боясь, что её кто-то увидит, отошла от бака.

Когда Артём поднялся к себе, всё уже было сделано: в ко-

ридоре стояли пакеты и мешки. Мать улыбнулась и забрала у сына бутылку молока.

– Я договорилась с одной женщиной, она заберёт хорошие вещи, а те, что попроще, отправим в деревню, может, кому пригодятся.

Артём вновь кивнул в знак согласия.

* * *

Прошла неделя, а пакеты так и стояли в коридоре, словно не желая покидать квартиру. Артём обулся, сунул пачку сигарет в карман и пошёл во двор. Жена не переносила запаха табака, поэтому Артём всегда курить выходил на улицу, временами бросал эту дымную затею, но пять лет назад вновь начал.

У подъезда было тихо. Прошёл сосед с собакой из соседнего подъезда, потом старушка из квартиры этажом ниже. Артём затушил окурочок и бросил в урну.

Тут же краем глаза он заметил проходящую мимо женщину, а на ней кофту жены. Она не любила выбрасывать удобные вещи и придумывала для их починки оригинальные способы. Эта кофта не стала исключением. На спине, где была заметная зацепка, Лена вышила маки. На чёрном фоне маки смотрелись прекрасно.

Женщина замедлила шаг, когда проходила мимо мусорных баков. Хрупкая, тоненькая – со спины она напоминала

Артёму жену. Только волосы короткие, тёмные. Артём не отводил от неё взгляда. Незнакомка сделала круг и повернула назад. Артём ждал. Посмотрел на ноги. Ножка тоже миниатюрная, как у Лены.

– Здравствуйте, – поздоровался он и перегородил ей путь.

– Здравствуйте, – ответила женщина и отвела взгляд.

– У меня вещи есть хорошие, заберите.

Лицо женщины тут же вспыхнуло красным, она хотела обойти мужчину, но он не дал.

– Вы видели меня у помойки?

– На вас кофта моей жены, – ответил Артём.

Женщина стояла и не поднимала головы, всё ещё не зная, как ей поступить.

– Квартира пятьдесят три, можете прийти с кем-нибудь, если боитесь.

Тут же стало заметно, что женщина растерялась ещё больше, но сразу ответила:

– Я вас не боюсь.

– Вот и отлично, – больше Артём ни о чём не стал спрашивать, а развернулся и пошёл к подъезду. Женщина отправилась за ним.

На пороге квартиры она встала, не зная, что ей делать.

– Вы рядом живёте? – поинтересовался Артём, раздумывая, как ему отдать ей все вещи.

– Да... Тут, в соседнем доме.

Артём взял один большой мешок и закинул на плечо, вто-

рой, поменьше – подмышку.

– Идёмте, ходим два раза. Вы не волнуйтесь, я всё перенесу.

Женщина схватила небольшой пакет и отправилась за Артёмом.

– Я Марина, – улыбнулась она и открыла дверь подъезда.

– Артём, – ответил он.

В коридоре квартиры, куда привела его Марина, было темно.

– Тут лампочки нет, перегорела, – извинилась она и прошла к дальней комнате. – Я снимаю.

Артём растерялся, поставить мешки было некуда. Крохотная комната со старыми пёстрыми обоями. Раскладной диван у стены, письменный стол советских времён и один стул. В дальнем углу двустворчатый шкаф.

– Сюда, – Марина указала на место у стенки.

Артём заметил детские вещи и перед выходом из комнаты спросил:

– У вас есть дети?

– Да, дочка, устроила её в детский сад, а сама там мою пол.

– Ясно.

– Мы неделю назад сюда переехали. На прошлой квартире нас обокрали, пришлось съехать. Вот хорошие люди пустили без предоплаты, тоже женщина с ребёнком.

– Понятно, – Артём посмотрел в её серые грустные глаза и сам загрустил.

Когда стали забирать мешки и пакеты во второй раз, Марина сказала:

– Спасибо скажите и жене, вы мне очень помогли!

– Жена умерла пять лет назад, болела, – спокойно ответил он.

Марина замолчала. Неприятная тишина повисла в воздухе. Вышли молча, потом всю дорогу до подъезда молчали, и только у себя в квартире Марина выдавила:

– Спасибо!

– Пустяки, я всё равно бы выбросил вещи, а вам пригодятся, носите, есть почти новые. Какой размер ноги у вас?

– Тридцать шестой, – она вновь смотрела куда-то вниз, словно ей было неловко.

– Отлично. Зайдите завтра, нужно будет примерить, я приготовлю обувь. В три вас устроит?

– Да, Артём, конечно, – ответила она.

Артём ушёл, а сам всю дорогу думал: «С чего это вдруг я так поступил? Никогда не замечал за собой ничего подобного».

Сначала ему показалось, что он просто заметил некоторое сходство этой женщины со своей женой. Но кроме невысокого роста и хрупкой фигуры больше ничего не напоминало ему Лену. Особенно характер. Лена была бойкая, живая и целеустремлённая. Марина же – меланхолична и рассеяна. Но вдруг захотелось сделать для этой женщины что-то простое, доброе, не требующее усилий, но полезное.

На следующий день в обед к Артёму пришла мать. Она долго ходила по коридору, отчитывая сына.

– Мог бы и позвонить, предупредить, что вещей нет. Вот как я людям в глаза смотреть буду?

– Позвони им и скажи, что вещей нет. Они загоразивали мне проход целую неделю, я их... выбросил, – соврал Артём.

– Зачем? Вот зачем? Там были ещё вполне хорошие вещи! Ну да ладно. Я не сержусь. Хочешь, приготовлю что-нибудь вкусное? – спросила мать, сменив тон на ласковый.

– Нет, спасибо, – и Артём посмотрел на часы. – Мам, я скоро уйду.

Мать согласилась, ей тоже пора было уходить. Она долго стояла на пороге, рассказывая последние новости, и когда открыла дверь, чтобы уйти, перед нею возникла женщина. Марина. У неё в руках был противень, заботливо завёрнутый в полотенце.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила мать и посмотрела на Артёма.

Тот в свою очередь посмотрел на мать, потом на Марину.

– Я принесла пирог, чтобы угостить вас.

Мать вновь посмотрела на сына и решила, что уходить ей ещё рано.

За кухонным столом почти десять минут висела тишина.

– А где вы с Артёмом познакомились? – сразу спросила мать, обращаясь к женщине.

– Около подъезда, напротив помойки, – ответил Артём

сам, а потом добавил. – У Марины есть дочь, их обокрали, поэтому они будут жить у меня... сегодня переезжают.

Марина и мать одновременно раскрыли рты, услышав такую новость. Впрочем, для Артёма то, что он только что сказал, тоже было не совсем продуманным шагом.

– Жена с помойки? – переспросила мать.

– Да, – ответил Артём.

Мать всё ждала хоть какого-то объяснения, но сын молчал, молчала и Марина, уткнувшись в кружку с чаем.

И вновь тишина повисла над столом.

– Мам, ты домой? – спросил Артём.

– Да-да, – засобиралась мать в надежде, что в коридоре ей удастся разузнать ещё хоть какие-нибудь подробности. Но Артём молчал.

– Мам, этой женщине нужна помощь, я и помогу, что тут такого.

– Да ничего, сынок. Главное, чтобы она была порядочной.

Мать ушла. Марина тут же засобиралась домой:

– Я надеюсь, с переездом ты придумал, это шутка?

– А почему нет? – спросил он.

– Мать давит на тебя, чтобы ты женился на второй раз? – сразу догадалась Марина.

– Угадала. Но... мне тут ещё... мне просто захотелось тебе помочь.

– Спасибо, я сама, – Марина открыла входную дверь. – Спасибо, Артём, тебе за всё.

Всю следующую неделю Артём ходил сам не свой. Вроде бы и не произошло ничего плохого, но стойкое чувство вины не покидало его. И Артём решил извиниться.

В ближайшем цветочном магазине он выбрал прекрасный букет цветов, потом зашёл в супермаркет и купил фруктов, сладостей. Перед дверью квартиры, в которой жила Марина, Артём долго стоял и не решался позвонить, всё обдумывал, что скажет.

– Нет её, выгнала я квартирантку свою, – услышал Артём за спиной голос.

Женщина лет пятидесяти подошла к квартире и стала открывать входную дверь.

– Как выгнали?

– А так, Людка за два месяца не заплатила. Вот и выгнала. И ухажёров слишком много ходило, нечего порожек топтать.

– Марину? Вы не путаете?

– А-а... Ты к Маринке. Я уж думала, к Людке. Тогда проходи, она вернётся скоро, в магазине она.

Артём прошёл. В коридоре всё так же было темно.

– А у вас табуретка имеется в доме?

Женщина посмотрела на Артёма и, ничего не ответив, принесла из кухни табуретку.

– Я вот, лампочку принёс, – и, показав коробочку, Артём встал на табуретку.

– Ишь, хозяйственный. В первый раз ко мне домой мужчина приходит и по собственной инициативе лампочку ме-

няет. Чай будешь?

– Буду, – согласился Артём и поставил на стол пакет с продуктами.

Женщина выглянула в окно на кухне, открыла форточку и закричала:

– Де-воч-ки, до-мой, пить чай.

Через несколько минут двери распахнулись и на кухню влетели две девочки. Одной было лет пять, вторая была намного старше и крупнее – явно дочь хозяйки квартиры.

– Угощайтесь, – Артём достал сладости из пакета.

Девочки похватали немного со стола и убежали.

– А спасибо? – прокричала женщина им вслед.

– Спасибо, дяденька! – ответили хором девочки.

– Скажите, сколько Марина вам должна за комнату?

– А что это тебя так интересует?

– Хочу оплатить.

– Не из налоговой?

– Нет, – улыбнулся Артём.

– Пять всего, я же понимаю, что у неё денег нет. И дочь.

– Держите, – Артём положил на стол пяти тысячную купюру.

– Понравилась тебе Маринка?

Артём пожал плечами:

– Я её толком не знаю, но обидел при своей матери, неудобно мне.

– Это что же ты такое сделал, что за квартиру заплатил?

– Сказал, что она будет жить у меня, не спросив, и что познакомились мы у помойки.

Хозяйка рассмеялась. Громко, заливисто.

– Вот это ты даёшь! Прямо с места в карьер. Хорошая Маринка баба, настоящая. И жена такая же будет. Муж её лупил почём зря, она и сбежала от него. А теперь скитается вот уже год. Если несерьёзно к ней, то забери деньги и иди, пусть она сама живёт, ей ещё оклематься от старого мужика надо, а не новые отношения заводить.

Артём кивнул.

– Я всё понимаю. У меня жены не стало пять лет назад. Я тоже до этого момента на серьёзные отношения и не рассчитывал, на других женщин не смотрел, а тут что-то как привело к ней.

– А-а-а-а, ну тогда ладно. Ухаживай, я не против.

Скоро и Марина вернулась из магазина.

– Галина Сергеевна, девочки дома? Я им сок купила.

– Гуляют, Марин, ты проходи, к тебе тут гости. А я пойду с девчонками посижу, воздухом подышу.

Испуганная Марина прошла на кухню.

– Артём, – выдохнула она.

– Привет, это тебе, – он протянул ей цветы.

– Красивые, спасибо.

– Я хотел извиниться за то, что было при последней нашей встрече.

– Прощаю, – улыбнулась она.

– Отлично. Я тут ещё принёс, девочки прибежали...., – Артём смущенно показал на стол.

– Ты садись, садись, пей чай, я сейчас.

Марина вернулась, переодевшись в голубое платье, которое ей невероятно шло. Набрала в вазу воды и поставила в неё букет.

– Пахнут изумительно.

– Ага, – поддержал разговор Артём. – Я хочу тебя пригласить завтра на свидание.

– На настоящее? – спросила Марина.

– Да, – ответил он.

– Тогда встречаемся у помойки в восемь.

Артём с недоумением посмотрел на Марину.

– Мне там удобнее, я с работы пойду.

Артём улыбнулся в ответ.

– Завтра в восемь у помойки.

Чистое полотенце

Люсю Кондрашову Тихон давно приметил. Понравилась ему девушка. Она после школы так и осталась жить в деревне. На язык была остра, парней к себе не подпускала, разговоров ни с кем не вела, сама по себе.

Тихон ходил кругами вокруг да около, а потом с глазу на глаз с её отцом и договорился. О чём, никто не знал, судачили только, что по уму надо сватов прислать, посидеть, себя показать да невесту посмотреть. А не тайком договариваться. Хотя с кем сидеть, один отец у Люси и был.

Свадьбу Степанов назначил на Покров. Тихон планировал переехать на первое время к Кондрашовым, у которых был большой новый дом. «Места всем хватит», – сказал тесть, и Тихон согласился.

Люсе же эта идея со свадьбой сразу не очень понравилась. Она «стреляла» своими чёрными, бездонными глазами, мерила Тихона и задевала словом. Но со временем смирилась, и летом уже Тихон частенько заезжал на обед к будущей невесте.

Пыльная дорога до деревни Ярково вела с косогора и вниз, к самой речке. Местами та высыхала летом до дна, обнажая коряги и ил. Плавно приближаясь к реке, дорога шла несколько метров вдоль, а после уходила опять наверх, к домам.

Тихону всегда нравилось это место. Тихое, немного диковатое. Рыбы в этом месте не водилось, только пескари. Ребята ходили удить вверх по реке. И людей встретить здесь было в диковинку.

Тихон работал водителем грузовой машины. Возил из райцентра по ближайшим трём деревням товар в магазины. В это утро как обычно он загрузил полную машину продовольствия, проверил ещё раз все документы и отправился в дорогу.

У реки бросил взгляд на берег: забелело что-то и исчезло. Тихон обернулся. Так и есть. Кто-то вброд переходит. Остановился.

Женщина юбку вокруг себя обмотала и идёт. Но дно зыбкое здесь, илистое, вязнет.

Тихон сплюнул.

«Ну куда вот её понесло? Знает же, что топко!» – возмутился он. Остановил машину, стал смотреть, что будет.

Дошла. На берег вышла. Только тогда Тихон отправился дальше. Ждать не стал, но кто это, было интересно.

У магазина народ толпится. Время открывать, а на двери замок.

Тихон остановил машину со стороны двора. Дверь в подсобку была закрыта. Обошёл вокруг здания. Толпится народ, возмущается. Неделю магазин был закрыт. Предыдущая «хозяйка» родила, а нового продавца найти быстро не смогли. Но вчера новенькая уже провела инвентаризацию и сего-

дня должна была выйти на работу.

– Здравствуйте, девушки, где продавец? – подняв кепку и смахнув пот рукавом, спросил Тихон.

– Ой, девушки, – расхохоталась очередь, и напряжение немного спало.

– А нет её, сами ждём.

– Обещали с Михайловки прислать молодуху какую-то. Так она у Семёновны отказалась жить, сказала, из дома ходить будет, видимо, всё ещё идёт, – добавила ещё одна женщина.

– Иду, – просачиваясь сквозь толпу к двери, ответила босая молодая женщина в белом платке, с туфлями в руках.

Она быстро открыла магазин и начала отоваривать народ. Пока Тихон разгружал коробки и ящики, толпа схлынула.

– Всё разгрузили? Давайте бумаги – сверять буду.

Тихон усмехнулся. Все продавщицы всегда верили Тихону. Боле того, знали, что коробки располагал он так, чтобы первым делом разобрать скоропортящийся товар, а после и остальное.

– Ну на, считай, – подал бумаги он.

Молодая, невысокая зеленоглазая женщина с выбивающимися из-под белой косынки тёмными волосами пересчитала все банки, бутылки, запечатанные коробки тоже перевесила. Тихон только ухмылялся.

– Ну? – спросил он, – мне полчаса, как уехать надо было, – в соседнем селе тоже есть хотят.

– Держите, всё верно.

Тихон осмотрел помещение и усмехнулся во второй раз. От бывшего порядка не осталась и следа. Он подошёл и посмотрел на продавщицу сверху вниз. Она поёжилась и попыталась спрятать ноги, которые толком не отмыла после реки.

– Что через реку-то пошла? Не знаешь, что там топко?

– Знаю, – сконфуженно ответила Нюра, – мне так ближе, опаздывала.

– Завтра у развилки в восемь утра проезжать буду. Подходи, довезу, – расплылся в улыбке Тихон.

– Спасибо, я через речку, – ответила Нюра и пошла раскладывать товар.

– Ага, и с такими ногами в магазин, – кивнул Тихон вниз, указывая на её ноги.

Нюра зарделась и выпалила:

– Согласна. В восемь.

На следующее утро лил дождь. Тихон старался ехать небыстро, дорогу развезло, машину то и дело слегка заносило. Нюра показалась на дороге неожиданно. Он резко нажал на тормоз, машина остановилась в сантиметрах от женщины.

– Ты что! Куда под колёса! – заорал он, открыв дверь. Тёплый летний дождь ударил в лицо.

Нюра подбежала и открыла вторую дверь:

– Дождь, побоялась, что не увидишь.

Вся мокрая, она тряслась. Капли стекали по лицу, мокрые волосы облепили плечи её и щёки.

– На, – Тихон кинул её свою телогрейку.

* * *

Месяц Тихон подвозил Нюру на работу. Незаметно пришёл июль. Но как-то утром женщина не пришла в назначенное время. Тихон не глушил мотор, стоял почти пятнадцать минут. Потом потихоньку поехал, медленно, всматриваясь вдаль.

Тихон остановил машину на горке. Нюра бежала через поле. Смешно вскидывая ноги, платок сбился, волосы растрепались.

Тихон вышел из машины. И пошёл навстречу. Его неожиданно потянуло к ней. Она тяжело дышала. Добежала до него и сунула ему в руки бидон с молоком.

– Прости, я бы успела... Там клубники целая поляна, – Нюра открыла прижатый к телу подол, в котором лежала собранная клубника, – вечером стадо пройдёт, затопчет. Хочешь клубники с молоком?

– Я... я..., – сбился Тихон.

– Что ты? – спросила покрасневшаяся Нюра.

– Слов не могу подобрать, – начал он.

– Так не говори тогда, целуй, – ответила она.

Тихон не стал больше ждать разрешения и поцеловал её губы со вкусом клубники. Нюра отпустила подол платья, и красные шарики посыпались на землю. А земля впитывала

разлившееся из бидона молоко.

Белые кудрявые облака бежали по голубому небу, подсматривая за двумя людьми посередине цветущего луга.

Нюра улыбалась. Улыбалась покупателям, которые заходили в магазин. Улыбалась витринам. Подмигивала бутылочкам с напитками, на которых играл солнечный зайчик. То, что произошло утром, не давало покоя, будоражило и заставляло вновь чувствовать себя на седьмом небе от счастья.

– Лапши мне отвесь килограмм и конфет вот этих, – требовательно тыкала пальцем Люся в самые дешёвые карамельки.

Нюра быстрыми движениями завязала пакет с лапшой, подвинула ближе к покупательнице и принялась насыпать конфеты.

– Ой, а конфет сколько? – переспросила улыбающаяся Нюра.

– А сколько совесть позволит!

– Не поняла, – сказала продавец и подняла на женщину свои зелёные глаза.

– Чего не поняла? Тебе конфет решила купить. Замаслить, чтобы ты от мужика моего отстала. Заканчивай пользоваться государственным транспортом.

– Так он сам...

– Сам, – усмехнулась Люся, – сам с усам. Сказала, мужика моего не тронь, значит, не тронь. А то чуть что – она прыг к нему в машину. Занят он, свадьба у нас на Покров, поняла?

Мне эти сплетни по деревне ни к чему, – сверкнула своими чёрными глазами Люся.

– По-ня-ла, – протянула Нюра.

* * *

Вечер клонился к закату. Стадо коров, мерно растянувшись по улице, возвращалось с выпаса. Одинокие комары начали бойко заполнять ближайшие кусты, ощущая, что жаркий день сменяется на прохладу.

Нюра закрыла магазин на замок и пошла домой. Радость утра сменилась к вечеру грустью. И всё из-за одного человека. Тихона.

В самом конце улицы он догнал её:

– Я тебя у магазина хотел встретить, домой проводить. Нюра, что такое? В магазине что-то? – Тихон сразу заметил её подавленное настроение.

Она молча шла вдоль домов, кустов сирени, которые давно отцвели, пряча глаза не столько от других, сколько от самой себя. Как могла она быть такой наивной, такой доверчивой. Холостой мужик в деревне – что вишенка на торте. Хм. А такой и подавно. Она остановилась и посмотрела снизу вверх на Тихона.

Он был выше её почти на две головы. С копной давно не стриженных белых завитков, с бездонными светло-серыми глазами и правильными чертами лица. В белой своей про-

стой рубахе. Большой, нет, огромный, как вековой дуб, который может быть нежным и ласковым. И не её...

Нюре захотелось рвануть с места, убежать так далеко, чтобы не видеть никого. Она дёрнулась, но Тихон крепко обхватил её своей большой рукой и прижал к себе.

– Ну, что ты. Всё будет хорошо. Испугалась чего? Не понравилось в первый раз?

Нюра подняла на него свои зелёные глаза и заплакала:

– Почему не сказал, что обещан другой?

– Тихон, – послышался за спиной мужской голос.

Тихон не отводил глаз, он смотрел на неё, не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Для него существовала только она.

– Зовут тебя, пусти, – Нюра высвободилась и пошла своей дорогой.

Тихон обернулся и увидел Кондрашова на подводе.

– Поговорить, Тихон, нужно, – с серьёзным видом потребовал мужчина.

Тихон подошёл к подводе, обернулся, Нюры уже не было видно.

– Что же ты нас позоришь? Еду мимо, а ты с продавщицей прилюдно обнимаешься? Или не зять ты мне будущий?

– Разговор так разговор, тем более, решение я уже принял, – ответил Тихон и сел рядом с мужчиной.

Сначала оба ехали молча, потом Тихон, не поворачиваясь к Кондрашову, начал:

– Я маленький был, старшая сестра Иринка собиралась замуж выходить. Мать заставляла её вышивать полотенца, рубашки, – готовить себе приданое. Твердила ей: «Как ты к мужу будешь относиться, так и он к тебе. Придёт домой, а ты ему полотенце свежее подашь – ждёшь его, уважаешь, здесь дом, рады ему». Я почему-то очень чётко запомнил эти слова матери.

– А к Люсе зайду, то печь не топлена, обеда нет (к вашему приходу вечером и готовит она), то даже ковшика воды умыться не подаст. Не люб я ей, зачем себя и её мучить? Пусть по сердцу ищет.

– Хорошо, Тихон, понял я всё. Тогда поговори с ней, чтобы не от меня узнала.

Людмила раскладывала травы, листья и ветки на веранде, сушила на чай.

– Не будет свадьбы, – с порога сказал Тихон, – свободна ты.

Людмила не обернулась, не остановилась, так и продолжала раскладывать травы. Быстро закончила и молча вышла на улицу. Тихон ждал, что скажет что-то. Она не ответила.

Отец спросил в спину:

– Куда пошла, что молчишь?

– Ой, папа, радуюсь, как будто груз с плеч сбросила. Пойду на чьё-нибудь плечо радоваться, пусть утешает.

– Узнаю, что с конюхом спуталась, домой не пушу, – грозился отец.

Тихон почувствовал себя лишним в этой семейной сцене, хотя был напрямую к ней причастен. Но это было уже в прошлом. И он был рад, что всё так закончилось и не пришлось врать и оправдываться.

* * *

На следующий день в назначенное время Анна не пришла на развилку. Тихон немного постоял, не заглушая двигателя, и поехал.

«Обиделась. Сама пойдёт», – думал он.

Магазин был уже открыт, народ отоваривался. Тихон зашёл в подсобку, поставил ящик и заглянул за прилавок. Нюры не было. Вместо неё торговала бывшая продавщица.

– А Нюра где? – удивился Тихон.

Продавец освободилась и, взяв его за рукав, увела в подсобку.

– Сегодня пришла ко мне перед дойкой и сказала, что уезжает к бабке в Дальнее жить. Вот такие дела. Слухи ходят, что это ты виноват, что Нюрка уехала.

– Как уехала?

– Да не кричи, Тихон. Тихо. Я тебе не говорила. Я проводить её вышла, она вещи свои на телеге перебирала. Села и уехала. Вот так, – ответила женщина.

– Оля, давай я быстро покидаю товар, держи бумаги, – он сунул листки продавщице и побежал разгружать коробки

и ящики.

Как ни старался Тихон освободиться сегодня раньше, выгадал мало времени. В его голове засела мысль догнать в пути Нюру. Сказать, что свободен он, любит, не может без неё дышать.

До села Дальнее с лошадьё два дня пути. Пусть даже утром уехала, ночью даст лошади отдохнуть. По нехитрым расчётам, Нюра должна была остановиться у реки на ночь.

Стемнело. Тихон гнал. Наконец, река. Так и есть. Лошадь он увидел сразу, она, испугавшись света фар, хотела метнуться в сторону, но была опутана и попятилась.

Тихон заглушил мотор и вышел. Подвода стояла поодаль, белая рубашка Нюры хорошо была различима в темноте. Он подошёл к ней и остановился.

– Умойся с дороги, – вдруг сказала она.

– Я приехал... Я приехал за тобой, я свободен, – ответил он.

– Я поняла, что за мной, пирог будешь? – спокойно спросила Нюра и развернула полотенце. – Рыбный пирог, умойся иди.

Тихон сходил к реке, долго отмывал руки, лицо и шею, разглядывая в отражающейся реке россыпь звёзд. Идти обратно медлил, перехватывало дыхание. Так ждал этой встречи, так хотел догнать её и вот. Вот она.

Нюра окрикнула его. Тихон поднялся и направился к машине, достал старую простынь, чтобы вытереться, но Нюра

подошла и подала полотенце.

– На, чистое.

Тихон уткнулся в белое, вышитое полотно и вдохнул свежесть раннего утра и летнего ветра; свежесть уюта и покоя; вдохнул всю её любовь, которая пришла так неожиданно и накрыла его сразу. И ничего не надо было больше. Здесь его дом, рядом с ней, с той, что будет подавать ему каждый день чистое полотенце...

Мужик в юбке

– Что, опять в этом месяце без премии? – поинтересовался Вершинин у сослуживца в обеденный перерыв.

– Не только без премии! – Николай так и не решился зажечь сигарету и мял её пальцами, – если бегать на перекуры в течение дня, то штраф прилетит. Начальница сама два раза уже проверяла, на рабочем мы месте или нет.

– Зачем такой контроль, не понимаю, может, выслужиться хочет? Говорят, ей место начальника подразделения обещали, – Саша тоже так и простоял десять минут с засунутыми в карманы брюк руками на небольшой открытой площадке офиса.

– Ага, вот она и ведёт себя как мужик в юбке, – рассмеялся Николай, – кстати, а ты её в юбке или в платье хоть раз видел? И я нет, может у неё ноги кривые?

Мария Нефёдова в крупном холдинге была на хорошем счету. Отличная репутация. Прекрасный работник, ответственная, исполнительная, сильная личность. Руководству такие нравились, и Нефёдова уверенно поднималась по карьерной лестнице.

– Вершинин, – позвала Алла, выглянув из двери, – Нефёдова зовёт.

Саша взглянул на часы. Одна минута третьего.

– По ней можно часы сверять, – усмехнулся он и подмиг-

нул Алле. Та не оценила юмор и, не дождавшись Александра, захлопнула дверь.

– Иди, а то штраф, – Коля рассмеялся.

Мария увлечённо набирала текст на клавиатуре, когда Вершинин вошёл в кабинет и, не отрываясь от монитора, сказала:

– Александр, вы должны были принести мне сравнительный анализ в первой половине дня.

«Анализ!» – мысленно хлопнул себя по лбу Вершинин.

– Постараюсь к вечеру.

– Я не планировала сегодня задерживаться, – возразила Мария.

– И я, – неожиданно для себя сказал вслух Вершинин и повёл глазами, понимая, что сболтнул лишнего.

– Александр, задание было вам выдано в начале недели, неужели за четыре дня вы не нашли время для формирования таблицы? – Мария оторвалась от монитора и строго посмотрела на подчинённого.

Вершинин вздохнул и промолчал.

– Мне не нужны в отделе лентяи, на голом окладе вы и сами не останетесь, на следующий месяц премию вновь не заработали. Вы свободны.

Мария перевела взгляд с мужчины на монитор и продолжила работу.

Саша постарался не хлопнуть дверью, сдержался, но в своём кабинете высказался с порога:

– Озверела совсем, премии на следующий месяц уже лишила! Типа сам уволишься, я мараться не буду!

Сослуживцы немного посочувствовали и уткнулись в свои мониторы и телефоны. Все они плыли в одной лодке и знали правила. Чёткие, выверенные и понятные правила и действия, которые требовали усилий и желания работать на результат.

Нефёдова была требовательным начальником, часто даже слишком. Мария не уступала никому и ни в чём, что касалось работы. Но её отдел всегда выполнял план, и те, кто старался, всегда получали дополнительные премии и похвалу. На новогодние праздники всему отделу выдали недельные путёвки на море, и эта была заслуга Нефёдовой – её отдел выиграл конкурс, продержавшись лидером продаж десять месяцев. В то время, когда у большинства отделов снижались показатели, у отдела Марии они росли. На фоне других это казалось успехом и, конечно, отражалось на коллективе, который менялся постоянно. Не все выдерживали темп и требования, задаваемые белокурой начальницей.

В понедельник утром Вершинин проснулся оттого, что солнце давно пробивалось сквозь плотные шторы. Проспал. Воскресный вечер прошёл весело, и будильник Александр просто забыл поставить на звонок. На сотовом телефоне было больше двадцати пропущенных звонков и смс с работы.

Каждый понедельник начальники отделов собирались на планёрку, поэтому к 10 часам Вершинину нужно было со-

брать данные по продажам предыдущей недели и предоставить Нефёдовой. Это было одно из самых важных заданий недели, и Александр его провалил.

Звонить Вершинин не стал, приехал к обеду и сразу прошёл в кабинет к Марии Сергеевне.

– Вершинин? – она впервые назвала его по фамилии и была удивлена его появлением.

Нефёдова взяла в руки телефон, проверила входящие звонки и, отложив ежедневник, спросила:

– Вы принесли заявление?

– Я проспал, это с людьми бывает, – честно признался Саша.

– Я уже оформила Акт о прогуле, вы отсутствовали на рабочем месте более четырёх часов, у меня есть основание вас уволить хоть сейчас.

Вершинин молча вышел из кабинета Нефёдовой и вернулся спустя пять минут с заявлением.

* * *

Сразу устроиться на работу у Александра не получилось, пришлось временно подрабатывать в такси. Саше не нравился дневной график и пробки, поэтому он старался работать в ночное время. И оплата высокая, и трафик на дороге меньше.

Очередной заказ ближе к трём часам ночи взял сразу.

Оделся и вышел во двор. Небо было усыпано звёздами. Похолодало. Вершинин поёжился и выехал по адресу.

Навстречу ему из подъезда выскочила женщина с ребёнком на руках.

– В травму на Красный проспект, – выпалила она, пристёгивая дочь.

– Мария Сергеевна? У меня указана конечная точка..., – удивлённо сказал Саша.

– Вершинин? Поехали, поехали. Болит? – быстро переключилась она на ребёнка.

Всю дорогу Александр посматривал в зеркало заднего вида. Без макияжа, в домашнем халате и с наспех собранным пучком на голове его бывшая начальница совсем не была похожа на себя, от волевой женщины не осталась и следа. Казалось, Мария сейчас расплачется.

– Я помогу, подождите вы со своими деньгами, – Саша вышел из машины и взял девочку на руки. – Не волнуйтесь, я останусь здесь, – добавил он, когда были решены все формальности и доктор был готов их принять.

Из кабинета травматолога Маша вышла спокойная, с лёгкой улыбкой на лице.

Вершинин забрал девочку на руки и спросил:

– Всё хорошо?

– Да, Саша, перелома нет, – Мария вновь улыбнулась.

Вершинин почему-то посмотрел на её ноги и подумал про себя: «Прямые ноги, красивые даже, и почему она не носит

юбки?»

На обратном пути сначала молчали.

– А вы другая, вашему мужу повезло, – вдруг сказал Саша.

– В смысле?

– Ну не такая, как на работе.

– Работа и личная жизнь – это две разные вещи. Приходится быть сильной, чтобы обеспечивать семью. У меня нет мужа. Но есть Леся, – и Мария приобняла дочь, а после добавила, – тогда, когда вы опоздали, я почему-то подумала, что позвоните, объясните, а вы просто приехали. Вы подвели меня, но я готова была пойти на уступки, если бы позвонили.

– Почему вы не носите юбки на работе, Мария Сергеевна?

Нефёдова стыдливо прикрыла колени.

– И платья, – добавила дочь.

– Да! И платья, – поддержал Вершинин восьмилетнюю девочку.

– Прекратите оба! – Маша попыталась сменить тему.

– Мы не на работе, – рассмеялся Саша, – придётся отвечать.

– Уже приехали, сколько я должна? – спросила Нефёдова, доставая кошелек из сумки.

– Деньгами не возьму, – всё ещё продолжая шутить, ответил Саша.

– Вершинин!

– Ужин должны... в платье! – выпалил Саша.

– Я тоже буду в платье, – добавила Леся.

– Конечно! – согласился Вершинин.

А потом был ужин и платье. И три года ухаживаний. Каждый год Вершинин делал Маше предложение, а она твёрдо отвечала «нет».

Тогда он собрал чемоданы, взял зубную щётку и сказал:

– Нет, так нет. Примите моё заявление: ухожу.

Маша растерянно посмотрела на Александра и, быстро собравшись, ответила:

– Четырнадцать дней обязан отработать, так что распаковать чемоданы и ставь щётку на место.

Свадьбу Вершинины сыграли через три месяца.

Кто эта женщина?

Мачеху Люська возненавидела ещё заочно. Даже не увидев.

На осенних каникулах отец отправил дочку к бабушке в деревню, а когда пришло время забирать домой, заявил:

– Теперь мы будем жить втроём!

– Ура! – воскликнула Люся. – Ты купил котика?

– Нет, – мотал головой отец.

– Собаку или попугая?

– Нет.

– Кого, папа, кого? – Люся прыгала перед отцом, хлопая в ладоши.

– С нами будет жить Марина.

Бабушка как-то нервно вскинула руки вверх, и улыбка ушла с лица Сергея:

– Подготовил бы дитё как-нибудь, а то так сразу.

– К чему подготовил? Смешная ты, мама, – Сергею явно не понравилась эта реакция. Он считал, что его радость и счастливое настроение они обе должны были поддержать. Но вышло не так. Получилось, что счастья хотел только сам Сергей.

Всю дорогу домой Люся сидела на заднем сидении, надув губы.

– Нам так хорошо было вдвоём, зачем?

– Тебе нужна мать, мне жена, – спокойно ответил отец.

– У меня есть... была мать! – пытаюсь перекричать мелодию, звучащую из динамиков, крикнула дочь.

– И у меня была жена три года назад, а теперь нет. Надо дальше жить, Люсенька. Я устал один, понимаешь. Марина тебе понравится. Я не заставляю тебя её любить, просто прошу отнестись к ней хорошо.

Для семилетней девочки эти слова звучали по-своему. Тогда Люся не осознавала, что может оттолкнуть от себя отца всего несколькими словами. Характером эта девочка с волосами пшеничного цвета была в отца, и это очень мешало им в отношениях.

Перед дверью отец почему-то громко выдохнул и позвонил. Он не открыл дверь своим ключом, как делал всегда, а позвонил.

Люся напряглась и уже готова была говорить гадости.

Дверь распахнулась, и перед ними возникла улыбающаяся женщина невысокого роста. Темноволосая, с милыми кудряшками и зелёными глазами.

У неё был идеально ровный ряд белоснежных зубов. Это Люська заметила сразу. Ей с зубами не повезло, и она тут же нашла ещё одну причину не любить эту милую женщину. За отличные зубы.

Отец неуклюже приобнял Марину и вошёл в квартиру первым. Люся ещё секунду думала, но тоже перешагнула порог. Всё же это и её дом.

Отец всячески подбадривал свою новую возлюбленную, хвалил за то, что она прекрасная хозяйка; удивлялся тому, как она точно подобрала размер платья, которое купила для Людмилы, и совсем не обращал внимания на дочь.

Люська обиделась. Налицо было явное замещение дочери на Марину.

Марина же старалась угодить Людмиле всеми силами. Она порхала около дочери Сергея ровно неделю. Люська на контакт не шла. Как-то утром она прямо заявила Марине, глядя в её зелёные глаза, что никогда не будет называть мамой.

– Мне это не нужно, – холодно ответила Марина. – Я вижу, что ты не хочешь общаться, так тому и быть. Ты живёшь своей жизнью, я своей.

– Отлично, я рада, что ты уедешь! – Люська совсем по-детски захлопала в ладоши.

– Нет, я не уеду. Я буду жить здесь, с твоим отцом. Я буду готовить, стирать, убирать, для тебя в том числе, но ничего другого от меня не жди. Это лишнее, я смотрю.

Люда пожала худенькими плечами и ушла к себе в комнату.

* * *

Шло время, оно мало что поменяло в отношениях Людмилы и Марины. Хотя статус Марины теперь был иной – же-

на.

Через год у отца с Мариной ожидаемо родился ребёнок. Люська с нескрываемым пренебрежением ходила мимо плачущего розового свёртка и гордо поднимала нос выше.

Марина ничего не успевала, теперь в доме царил беспорядок: копились пелёнки, нестираная одежда, еда готовилась на несколько дней вперёд, крошки теперь были рассыпаны не только на кухне. Марина ни разу не попросила Люсю ей помочь по дому или с братом. А вот отец упрекал.

– Пол помой, мусор вынеси, Люся, ты же можешь помочь?

– Ты тоже можешь. Это твой сын, твой дом, вот и помогай.

– Я помогаю, но пока меня нет дома, ты же можешь что-то сделать!

– Меня тоже нет дома, у меня школа, хореография, сольфеджио.

Отец злился на дочь, всё чаще повышал голос. Марина вставала между отцом и Люськой, просила успокоиться, смягчая градус раздражения обоих.

Дружной и счастливой семьи не получалось. Сергей злился, Марина уставала, Люська вечно сидела в своей комнате с закрытой дверью.

* * *

А время шло.

Все стали потихоньку уживаться друг с другом. Проще

было никого не трогать и жить своей жизнью. Так и получалось, что Сергей жил своей, Люда – своей, а Марина с сыном – своей жизнью. Прошёл ещё один год. Артёмка уже всю бегал по квартире, надоедал Люське, требовал внимания отца и матери. Марине даже временами казалось, что мальчик может собрать всех отдельных людей в этой квартире в одно целое, в семью. Но этого не происходило.

Сергей машинально играл с сыном, но чаще, ссылаясь на усталость, отдыхал. Люся изредка помогала по хозяйству Марине и даже присматривала за Артёмом, когда было необходимо, но делала это без особого желания.

– Завтра идём за обновками! – радостно сообщила Марина всем за ужином. – В парке прогуляемся, мороженое поедим, уток покормим. Нам нужно больше времени проводить вместе и отдыхать.

– Ха, – только и сказала Люся.

– Угу, – не отводя взгляда от маленького кухонного телевизора, ответил Сергей.

Марина вздохнула. Всё как обычно.

Утром следующего дня она всех быстро подняла, покормила завтраком и собрала, подгоняя. Особого желания идти куда-то ни у кого, кроме Марины, не было.

Коляску впереди катила Люда, Сергей с Артёмом шли за ней следом, а Марина позади всех. Она улыбалась солнышку, такому редкому в последние дни, и радовалась ветерку, трепавшему волны её волос.

К торговому центру нужно было перейти дорогу, все остановились в ожидании зелёного света светофора.

Артёмка запрокинул голову, закашлялся и стал давиться. Люда обернулась и посмотрела на брата.

– Что такое? – спросила Марина и стала подходить к мужу с сыном на руках ближе.

Сергей наклонил сына и похлопал по спине.

Люська хотела было развязать брату шарф и отпустила коляску. Девочка сразу почувствовала, что коляска двинулась с места, устремляясь по небольшому уклону прямо на проезжую часть. Машинально Люда подалась вперёд за коляской, прямо в поток автомобилей.

Марина также, не раздумывая, бросилась за девочкой. Она схватила Люсю за одежду и с силой, не свойственной такой хрупкой женщине, вытолкнула девочку обратно на тротуар, заняв её место.

Автомобиль резко затормозил перед Мариной, но тормозного пути оказалось недостаточно. Коляска поехала дальше, а светофор радостно сменил горящий красный глазок на зелёный.

Марина лежала на проезжей части, иногда открывая глаза и спрашивая наклонившегося над ней Сергея:

– С Люсей всё хорошо, она не пострадала?

Сергей отвечал ей, но она плохо понимала и вновь спрашивала.

– Как моя дочь, что с ней?

Людмила держала на руках орущего Артёмку и редела. Издалека уже доносился звук приближающейся кареты скорой помощи.

– Что случилось, девочка? Кто эта женщина? – спросила проходящая мимо старушка.

– Мама это моя, мама! – закричала Люська, не переставая рыдать. Артёмка тоже ревел не переставая.

Через месяц Марину выписали из больницы. К ней, когда стало возможно посещение, Сергей с детьми ходил вместе. Приносили гостинцы, всё больше шутили. Марина не могла поверить такому перевоплощению.

Уже дома Сергей рассказал Марине, что в тот миг понял, как дорог ему каждый из них, как осознал всю ценность семьи и жизни.

Марина только обнимала мужа и понимающе смотрела в глаза, поражаясь, как несколько секунд изменили всё в их семье. В доме было чисто, одежда постирана и выглажена, холодильник ломился от еды.

– Надо же, справились без меня, а я так переживала! – радовалась Марина.

– Мы с Люсей думаем, что больше нам таких потрясений не нужно, чтобы быть семьёй и делать всё сообща, мы и так согласны. Правда же, Люсь?

– Да, пап. Я тоже так думаю. А ещё я рада, что мама вернулась домой, наконец-то мы поедем блинчиков, у папы они не получаются.

Марина несколько секунд не двигалась, осознавая то, что только что услышала. Она приобняла Людмилу:

– Я тебя, Люся, научу печь блины. Дочь должна уметь всё, что делает мать, и даже немного больше. Будет вкусно, уверяю!

«Шерше ля фам»

Володя Никифоров раньше не замечал, что из третьей квартиры так вкусно пахнет едой. Он и не замечал раньше этой третьей квартиры. С работы бегом, на работу бегом, а тут третья квартира и этот запах, запах, от которого подкашивались его ноги, а мозг не хотел ничего воспринимать, кроме этого запаха.

Жена Володи, устав от безденежья и ожидания светлого будущего, которое никак не приходило, однажды просто собрала чемодан и уехала к маме, оставив его выплачивать ипотеку за крохотную однушку на пятом этаже.

Володя горевал недолго, пятницу и субботу – свои законные выходные. В воскресенье, осушив полуторалитровую бутылочку газированной воды и осознав, что свято место сантехника пусто не бывает, он отправился на работу в ЖЭК.

Вышел из дома, зашёл за угол, вот и работа. Работай себе на здоровье, ковырайся в трубах и в том, что из них выливается. Сантехники – люди нужные, только вот Володя своей значимости то ли не осознавал, то ли не хотел принимать. Халтурку брал, конечно.

Но когда спрашивали: «Сколько?», всегда отводил глаза и отвечал: «А сколько не жалко». Все его заказчики понятие «не жалко» и уставший вид всегда воспринимали одно-

значно, этого хватало только на недорогие мужские радости в выходные. На том и заканчивалось всё.

А тут вдруг запах. Запах, который разворачивал не только лёгкие, но и выворачивал душу. Слюной захлебнуться можно было. Так пахло в столовой – умиротворением и радостью. Так пахло в детстве дома, когда мать в воскресенье обязательно баловала семью выпечкой, борщом и картошкой с котлетами. Пахло семьёй.

Володя немного постоял у окна, за которым ничего не происходило, так как окна были плотно задёрнуты занавесками. Втянул ноздрями воздух – макароны с курицей и сыром и прованскими травами, точно-точно, базилик и розмарин. «Perfecto» – подумал Володя и пошёл домой. Дома он лёг на диван и уставился в потолок.

* * *

На следующий день, возвращаясь с работы, он уже было хотел дёрнуть дверь подъезда, как боковым зрением увидел движение на первом этаже. Это была она. Как замороженный, Володя так и застыл, держась за дверную ручку.

Женщина в окошке медленно двигалась по кухне, будто плавала или скользила по полу. Худенькая, темноволосая. Туда-сюда. От стола к холодильнику, от холодильника к мойке. Володя засмотрелся. Полный рот слюней уже стал мешать дышать, пришлось сглотнуть.

И тут она увидела его, поняла, что он наблюдает за ней долго, залилась румянцем и, сделав неловкие движения руками в воздухе, подавшись вперёд к окошку, рухнула на пол.

Володя подбежал к окну, прыгал, прыгал – не видно, только почувствовал запах подгоревших котлет. Он, не раздумывая, дёрнул дверную ручку подъезда, за секунду очутился у третьей квартиры и стал тарабанить в дверь и звонить в звонок.

За дверью было тихо. Володя прислушался. Опять тихо. Тогда он заорал:

– Вы там как? Всё хорошо?

– Помогите, – раздалось жалобный голос в ответ из-за двери, – я встать не могу, ногу подвернула.

– Я сейчас! – орал Вова, – я прямо быстро, – метался он по ступенькам, то вниз, то возвращаясь наверх, – я за инструментами сбегая, не двигайтесь.

Выскочив на улицу, мужчина чуть не сбил с ног бабу Валю со второго этажа.

– Ох, несётся! Ты что, в магазин так спешишь, милоч?

– Нет, баба Валя, там в третьей квартире у женщины ноги переломаны, надо дверь вскрывать срочно!

Бабуля лишь покачала головой и вошла в подъезд.

Владимир мчался в ЖЭУ, на самом веру лестницы в свою каморку, в подвале, где хранился весь инструмент, он наскочил на дворника Митьку. Митька, не ожидавший такого наезда, кубарем скатился вниз.

– Ты... ты чего?! – возмутился дворник.

– За инструментами! – кричал, отпихивая Митю, Володя, – квартиру надо вскрыть!

Митя отодвинулся, достал домашнюю беленькую и складной стакан. Наполнил его до краёв и протянул выглянувшему из каморки сослуживцу.

– На, для храбрости.

Митя почему-то был уверен, что хозяев не было дома, и Володя решил взять то, что плохо лежит. Всё потому, что он так делал, брал всё, что плохо лежало. Квартиры не вскрывал, а так – по мелочи.

Володя махнул стакан и вернулся в каморку, разыскивая ещё какой-то инструмент и неистово гремя. И вот когда он уже собирался бежать обратно к дому, в дверях его ждал второй наполненный стакан. Не думая, Владимир осушил и его. В глазах помутилось, поплыло, ноги подкосились и сделались ватными.

– Женщина, – еле ворочая языком, проямлил Володя и сполз по косяку на пол.

– Во даёт, выпил и уже женщину подавай, – возмутился Митя, доливая себе очередную порцию.

– А отличный напиток у Семёныча, с ног сразу валит, надо будет ещё прикупить.

* * *

Очнулся Володя, когда уже совсем стемнело. В голове шумело, во рту – Сахара, и тут он вспомнил о женщине. Кое-как встал, поплёлся за угол к дому с инструментами в руках.

В квартире на первом этаже горел свет. Володя подошёл к двери и постучал инструментами. За дверью раздались звуки, щёлкнул замок, дверь напряглась и открылась. На пороге стояла она. Женщина часто моргала глазами и ждала.

– С Вами всё в порядке? – спросил Владимир, отдавая женщину своим «парфюмом» и одновременно вдыхая запах жареных котлет.

– Да, спасибо, баба Валя вызвала скорую, вот..., – женщина показала на перебинтованную голень, – у неё есть ключ от моей квартиры, я на роликах учусь кататься.

– А котлеты не сгорели? – вдруг спросил он.

– Хотите? – ответила она вопросом на вопрос.

Володя уже собрался уйти, но нутро взбунтовалось.

– С удовольствием, – ответил он.

* * *

Рано утром Владимир уже хозяйничал на кухне в третьей квартире. Услышав, что Анжелика проснулась, он бережно

взял её на руки и перенёс на кухню, усадив на табуретку.

– Бутерброд с авокадо и яйцом пашот, – поставил он тарелку перед ней.

– М-м-м, – удивилась она, – чувствую, что моему замороженному кролику не дожить до воскресенья.

Владимир улыбнулся ей в ответ и открыл морозилку.

Фальшивая жена

– Настасья, Антошка твой приехал. На автовокзале сейчас мальчишки мои видели его. С женщиной приехал и ребёнком, жену, похоже, привёз, встречай, – кричала соседка из своего огорода.

Настасья Михайловна тяжело поднялась с крыльца, где мыла для поросят мелкую картошку, вытерла руки о подол и посмотрела на дорогу.

В самом начале улицы и действительно виднелись две фигуры: одна мужская с сумками и вторая женская в длинной юбке.

Грузная женщина поднесла ладонь ко лбу, прикрываясь от солнечного света, и стала всматриваться.

«Антон, – застучало сердце. – и не один».

Два месяца назад младший сын Татарниковых уехал в город на повышение квалификации и вот вернулся. Не один. Настасья Михайловна тяжело переступила и, протянув руку, постучала в окно дома.

– Серёга, выйди-ка во двор, – позвала она мужа.

Все мужчины в их семье, начиная с дедов, были потомственными механизаторами. Отец, Сергей Иванович, всю жизнь на всех видах сельскохозяйственной техники работал. Сыновей брал юнцами с собой в поле, всему научил. И они как по накатанной с ним в один строй работать встали. При-

шло их время.

Женщина чуть отошла от двери и, поставив табуретку ближе, села на неё. Сергей Иванович с довольным видом неспешно вышел на крыльцо, дожёвывая кусок хлеба с салом, и с удивлением посмотрел на супругу.

– Во, Антон идёт. Смотри, жену ведёт.

– Чего? – Сергей Иванович чуть не подавился от такой новости и, приложив ко лбу ладонь, словно отдавая честь солнцу, стал смотреть вдаль.

Младший его сын с женщиной приближались.

– Какая жена? Два месяца назад никого не было, а тут жена? Мать, что происходит?

– Дойдёт и объяснит, что.

Настасья Михайловна встала и пошла в дом, бросив работу. Негоже в таком виде встречать гостей, хоть передник, а переодеть надо.

Приезжие к тому времени уже дошли до калитки, и Антон, открыв её, предложил женщине войти первой.

Сергей Иванович пытался скрыть удивление и волнение, но, увидев ребёнка за спиной женщины, сидевшего в импровизированном рюкзаке из ткани с дырками для ног малыша, изменился в лице и сел на стул рядом.

– Пап, привет, – взмахнул рукой Антон и прошёл вперёд.

Отец махнул головой и встал.

– Ну, привет, сынок, – протянул он руку, – а это кто с тобой?

– Пап, это Женя и Руслан, они будут жить с нами.

– Женя, это Сергей Иванович и Анастасия Михайловна,

мои родители.

Сергея Ивановича ответ удивил, вопросов возникло еще больше, но отец сдержался, посмотрев на дверь, за которой показалась супруга.

– Тогда пойдём в дом, – пригласил он.

Молодая женщина немного замешкалась, стесняясь, но Антон подтолкнул её легонько и шепнул:

– У нас мировые родители, поймут.

Отец услышал эту фразу и посмотрел на Настасью.

– Мать, а собери-ка нам на стол чего-нибудь. С дороги люди.

Настасья Михайловна, тяжело переступая, прошла на кухню, явно показывая мужу своё недовольство: не дал рассмотреть и расспросить, но перечить не стала, мужа уважала.

На столе быстро появлялись тарелки: отварная картошка в мундире, маринованные огурчики и две помидорки, чуть залитые рассолом, подмороженное сало, нарезанное так тонко, что сквозь него проходил свет, отварное мясо и голубцы на большом блюде.

Затем мать подала круглый хлеб, от которого пахло так прекрасно, что Руслан невольно потянулся к нему рукой. Женя перехватила и прижала руку сына к себе, опустив глаза.

Антон поставил перед ними две тарелки и, улыбаясь, по-

вернулся к отцу:

– Батя, ты с нами?

– Не, сынок, я только из-за стола. Чай попью. Ешьте.

Отец сел напротив приехавших и стал ждать чай. Неспешно на столе стали появляться сушки, пряники и чашки с чаем. Баночка с малиновым вареньем появилась последней и была пододвинута ближе к отцу.

Разговор отец с сыном вели о своих делах, приезжих женщины с ребёнком не касались. Но Сергей Иванович нет-нет да поглядывал на мальчонку, который с большим аппетитом набивал рот.

Глаза как у матери – тёмные, аж зрачка не видно, а волосы светлые, как у младшего сына. А вот губы... Тут сердце Сергей Ивановича дрогнуло: «Настасьины губы, вот точь-в-точь, верхняя губа пухлая и приподнятая». И он перевёл взгляд сначала на сына, а потом на свою жену. Так и есть. Больше ни о чём спрашивать не стал, мальчонка их, Татарниковых.

– Брат в баню приедет сегодня, мам? – спросил сын у матери.

– Обещали. Приедут, – ответила она.

– Пап, мам, пусть Женя с сыном в Сашкиной комнате живут. Там места больше, а на моих шести метрах только сесть и встать, – предложил Антон и посмотрел на мать.

– Это как так? – мать не выдержала. – Что же это за семья – в разных комнатах жить да спать? А Саша с Катей где будут после бани отдыхать?

Женя опустила глаза и сказала:

– Мы в город вернёмся, не надо...

Антон сжал зубы.

– Я хотел оставить разговор до приезда брата, но вижу, что надо начинать прямо сейчас. Женя, давай покажу комнату. Отдыхайте, мне с родителями переговорить надо, – Антон встал и, взяв мальчишку на руки, унёс в самую дальнюю комнату.

Мать с отцом переглянулись, ничего не понимая.

Антон вернулся, сел за стол и скрестил руки перед собой, отодвинув дальше тарелку.

– Мам, ты сядь, – сказал сын.

– В общем, так. Три года назад Сашка познакомился с Женей, когда приезжал в город на повышение квалификации. Задурил девке голову, сказал, что женится. Она и забеременела почти сразу. Он отучился и домой. Мол, поеду работать на вахту, буду деньги зарабатывать и высылать. Первый год, действительно, высылал.

– А потом... Потом вы знаете, на Катьке в прошлом году женился. Та деньги считать умеет, и оставил он девчонку со своим ребёнком без средств к существованию. На работу нет возможности выйти, в сад не берут, жить негде, её родители далеко да и старенькие. Им самим помогать надо, в глухом селе живут, воды дома нет, электричество по часам дают.

– И шепнула ей знакомая, что Татарников на учёбу приехал, она и пришла ко мне. Инициалы-то у нас одинаковые.

Разревелась. Я и уговорил к нам поехать. Хотя бы на первое время. Комната свободная есть. По ней видно, что работы не боится, тихая, скромная. В том, что Руслан – Сашкин сын, я не сомневаюсь, похож.

– Решение, батя, я сам принял, если откажете, я пойму. Сколько нужно, буду сам содержать. Родственники они мне, как оказалось.

Мать с отцом, ошарашенные от таких новостей, застыли. Слушали внимательно, не перебивая.

– Похож, – резюмировал отец и замолчал.

– Вот же вырастили, Серёж, сына... старшего, – продолжила Настасья Михайловна.

– А вот и он, лёгок на помине, – сказал отец.

Входная дверь открылась, и в дом вошли старший сын Александр с Катериной.

– Что это вы такие хмурые сидите за столом? – расплылся в улыбке старший сын, – помер кто?

– Я! От стыда копытца отброшу, – выпалила мать.

– Папка, папка! Мама, папка приехал! – закричал Руслан, выбегая из комнаты на голос Александра.

– Здравствуйте, – вышла вслед за сыном Женя.

– Ну, сынок, проходите, прошу за стол. Будем обсуждать, как дальше жить. Был бы ты моложе, я бы ремень с вешалки взял и отходил тебя. Но толстокожий ты стал, не поможет теперь это. Мать, дай пряник внуку. Пусть телевизор посмотрит в зале, пока взрослые беседуют. А лучше два. Чувствую,

долгий разговор предстоит, – сказал отец.

* * *

Вскоре Катерина с Сашкой развелись. Общих детей у них не было.

Ни объяснений, ни извинений жена по паспорту не приняла, и Александр решил жить отдельно от отца с матерью, один.

А Женя с сыном так и осталась жить у Татарниковых. Бабушка с дедушкой внука любят, помогают растить. Евгения устроилась в детский сад, и Руслану дали там место.

И у Антона жизнь сложилась – уехал работать в город, пригласили на хорошую должность по специальности, потом и женился.

Одумался

– Мам, а ты говорила, не надейся. Вот. Даже больше денег перевёл, чем я рассчитывала. Одумался Дима.

– Одумался? Юленька, никогда твой муж не одумается и за копейку удавится. А это он перевёл, чтобы ты в суд не подала, пока развод у вас.

Юля обиделась на мать.

Да! Они с Димкой сейчас в стадии развода, не получилось сохранить семью, но одно дело их личные отношения, а другое – дети. Всё же любит муж своих мальчиков.

Юля заглянула в соседнюю с кухней комнату. Марк и Стёпа играли на полу в машинки.

– Вот и хорошо, вот и соберу ребятшек в школу, и не надо теперь думать, где деньги взять, такая гора с плеч, – дочь выдохнула, прикрывая дверь в детскую комнату, и посмотрела на мать.

Инна Олеговна поправила платок на шее и отвернулась к окну.

– Не особенно-то и рассчитывай на него, дочка, лучше подумай, как сыновей поднимать будешь. Мы с отцом поможем, конечно, но тебе надо учиться. На себя рассчитывай. Сейчас вот дрова и уголь нужно купить на зиму. Хорошо, дом дедушкин на тебя оформлен, а то пришлось бы делить.

Дочь кивнула.

– Отложила на дрова. А вот за мальчишек боялась. В школу да детский сад сейчас двумя тысячами не обойтись, а Димка двенадцать прислал.

– Димка? Скорее Антонина Петровна.

Юля махнула рукой.

Антонина Петровна не любила Юлю. Не любила открыто, прямо в глаза говорила всё, что её не устраивало. И сейчас, когда Юля с Димой готовились официально развестись, тоже была недовольна. Бывала у сына редко, внуков особо вниманием не баловала.

Инна Олеговна к Димке тоже относилась очень настороженно. Сразу понимала, что не пара он дочери, на деньги падкий, но уговаривать не стала, раз любит – пусть свой путь пройдёт. Прошла. Развод. Зато в первый раз за много лет мать видела, как подняла голову Юля, как вытянулась в струну от принятого решения, а это радовало – уверенная женщина все выдержит. Сама.

– Пора мне, доча, отец приехал, – Инна Олеговна приобрела дочь, словно сказав: «Крепись».

Летняя мошкара роилась около лампочки на летней веранде. Юля задержалась у калитки, провожая мать и отца. Потом прошла на веранду и села на лавочку. Место это было любимым в первые годы супружества. Здесь они вместе с мужем пили чай, делились надеждами, мечтали. Здесь Юля сообщила, что ждёт первенца, потом второго сына. Здесь же было принято решение о разводе. Как-то всё растерялось,

растворилось в быту. Остыли.

Юля вздохнула и пошла в дом. Без мужчины в доме было пусто и хлопотно. Теперь всё сама. Не махнёшь рукой, не позовёшь: «Дим, а Дим». Но и жить в постоянных ссорах и взаимных упрёках дальше было невозможно. Димка гонялся за большими деньгами где-то далеко, в городах. В последнее время уезжал надолго, но денег особо и не привозил.

Юля уложила мальчиков спать, а сама долго не могла уснуть. Думала, как ей жить дальше. Как быть сильной и всё успевать. Другая жизнь и радовала, и удручала одновременно.

* * *

Но время расставило всё на свои места. Вот уже и первые туманы легли на пожелтевшие луга, первый снег не заставил себя ждать, тут же растаяв. Потянулись серые одинаковые дни, никак не помогающие отогнать унылые мысли.

– Мам, там есть кто-то, я боюсь, – младший сын вбежал на кухню к матери и обнял её.

– Мыши? – Юля продолжила замешивать тесто на хлеб, лишь глянув на Стёпку.

– Нет, человек.

Юля обернулась.

Дверь в детскую была открыта, но в вечерних сумерках в окнах ничего не было видно.

– Посмотри, мам.

– А Марк где? Может, он пугает?

Стёпа помотал головой.

Брат и правда был ни при чём, вернулся с тремя полешками и, разувшись, повесил на крючок куртку.

– Ты Стёпку пугал?

– Не-е-е-ет! Чего сразу я?

– Я просто спросила, не злись, – Юля погладила старшего сына по голове, чуть припудрив остатками муки его чёрные волосы.

За окном никого не было видно.

– Не бойся, почудилось, шторы прикрой и всё, – мать вернулась к тесту.

Но через неделю Стёпа опять испугался. Юля вновь выглянула в окно. Сейчас ей и самой показалось, что кто-то стоял у забора напротив окна детской комнаты и поспешил скрыться. Юля вышла во двор, открыла калитку. Никого. Всё показалось странным.

В эту ночь Юле не спалось.

«Димка ходит. На сыновей смотрит. Одумался!», – решила она.

От этой мысли стало тепло и радостно. Сыновья скучали, часто задавали вопросы. А она молчала и хмурилась. «Приедет, занят, придёт скоро».

Но теперь уже бывший муж после принятого ими вместе решения в доме не показывался. В дверях, не поворачиваясь,

лишь выдавил из себя: «Денег не жди, ни копейки».

– Одумался, – радовалась Юля, получая на почте переводы.

В первый раз Юле показалось странным, что это был перевод денег не на карту, а по старинке, почтовый. Но от кого перевод, указано не было. Юля тогда пожала плечами. Видимо, хотел официального подтверждения перевода денег. Ну и пусть так. Дети его. Пусть.

* * *

На следующий день выпал снег. Он всю ночь летел крупными хлопьями, падал на деревья, крыши и забор. Побелело мгновенно. Юля выглянула в окно. Белым-бело. Последний автобус в город отправлялся в шесть вечера. Значит, Димка, если придёт, то до шести.

Юля подошла к зеркалу и стала рассматривать себя. Достала косметику и нанесла на скулы немного румян, потом подкрасила брови и ресницы. Открыла шкаф, но решила, что это ни к чему. Под курткой не видно.

Снег давно перестал идти, но смотреть на него было мучительно больно. Юля то и дело подходила к окну и выглядывала во двор. Почти шесть. Дети играли в своей комнате, не обращая внимания на взволнованную мать.

Юля достала из шкафа белую шаль, оделась и вышла на крыльцо. Воздух стал морозным и холодным. Юля постояла

немного на крыльце, а потом обошла дом с другой стороны.

У забора виднелась фигура. Юля выглянула из-за угла.

– Антонина Петровна!

Женщина испугалась и бросилась от дома.

– Антонина Петровна! – кричала Юля вслед.

– Я скоро вернусь. Марк, закройся, – мать сменила шаль на шапку и вышла на улицу.

До дома матери бывшего мужа было недалеко, но идти по рыхлому свежему снегу было трудно, как и поверить в то, что Юля ошибалась.

Сейчас, с каждым шагом, приближавшим Юлю к знакомому дому, приходило осознание, что это был не Дима. И денежные переводы на сумму, равную пенсии, и подсматривание в окна, он-то зашёл бы, не постеснялся.

– Антонина Петровна, – Юля постучала в дверь.

– А, Юленька, проходи.

– Здравствуйте. Вот дома была, показалось, что я вас увидела у дома, решила проведать.

– Чай будешь?

– Да, конечно, я ненадолго, мальчишек оставила одних.

Пожилая женщина на слове «мальчишек» посмотрела на Юлю.

– Марк со Стёпой скучают. И по папе, и по бабушке с дедушкой. Вы приходите, не стесняйтесь. Вы в любом случае для них бабушка. И Иван Сергеевич тоже пусть приходит.

– Можно? Я думала, ты...

– Можно, конечно. Антонина Петровна, я не против, даже за. Жалко, что Дмитрий не приезжает. Но деньги исправно шлёт, – Юля не отводила взгляда от бывшей свекрови. Та смутилась.

– Ты прости, Юленька, Димку. Прости и забудь.

Юля не стала ничего больше спрашивать, всё и так понятно, отвлеклась на чай. Сделала глоток вкусного ежевичного чая, ещё один и засобиралась.

– Конфеток возьми, Юленька, вот, – Антонина Петровна схватила из шкафа три кулька и протянула Юле.

– А пойдёмте к нам, пока Ивана Сергеевича нет. Сами гостинцы и отнесёте.

Антонина Петровна ни секунды не раздумывала, сразу приняла приглашение, улыбнулась только в ответ, выдохнув свободно.

Свадебное платье

– Воровка! Мой он, мой! Меня он любит, – доносились крики с улицы.

Субботнее утро настырно заглядывало в окно спальни сквозь тонкую полоску между шторами. Юля потянулась в кровати, села, но встать не спешила, лишь коснулась пола пальцами ног. «Столько дел сегодня намечено, пора встать», – уговаривала себя девушка. Но тело не спешило просыпаться.

– Ах, ты так, да я... я тебя!

Через приоткрытое окно Юля слышала страшный вой, крики и возню. Кровать звала обратно, но крики не прекращались.

Отодвинув штору, Юля застыла в изумлении. Две молодые барышни дрались. Да. По-настоящему, не жалея сил, уже знатно вывозив друг друга в пыли. Чуть поодаль, в кустах сирени стояла ещё одна девушка с ворохом белой ткани в руках очень похожим на свадебное платье.

Юля отодвинула вторую штору и вновь выглянула в окно. Никого не было видно.

– Ну и хорошо, что всё закончилось, такие страсти, – улыбнулась Юля и пошла собираться.

На лестничной площадке этажом ниже сидела та самая девушка с ворохом ткани, нечто, похожее на платье, она так

и держала в руках. В её глазах не было слёз, только испуг, животный, настоящий. Она слегка покачивала ткань в руках, обхватив словно младенца.

Юля прошла мимо, но потом остановилась и, повернувшись, спросила:

– Может, помочь чем-то?

Девушка, которой на вид было не больше двадцати лет, посмотрела куда-то сквозь Юлю и спокойно ответила:

– Нет, спасибо, два часа осталось, уже всё равно.

– До чего два часа? До свадьбы? Не успеваете если, давайте я доведу на машине, – Юля показала девушке ключи.

Девушка неожиданно захлопала ресницами и разрыдалась. Юля поднялась на две ступеньки выше и села рядом.

– Ну чего? Я видела, как две женщины у подъезда выясняли отношения, а вы стояли чуть дальше.

Девушка кивнула.

– Свадьба.

– У кого из них свадьба? – спросила Юля.

– Вот в том то и дело, что не у них. У меня свадьба, у меня! – почти кричала девушка, не выпуская из рук красивую ткань. – Ленка – подружка моя и свидетельница... А эта..., – девушка разрыдалась.

– Так, – Юля прижала девушку к груди и погладила по голове, успокаивая. – Ничего не понимаю, может, расскажете? Как зовут?

– Злата, – вытирая тканью слёзы, ответила девушка. – Так

глупо вышло. Приехали с Ленкой домой, я платье отпаривать отдавала и ушивать. Вышли из такси, а на нас эта, с рыжими волосами, сразу и напала. Она подумала, что Ленка замуж выходит, к своему бывшему приревновала, который от неё к Ленке ушёл. Сначала платье облила зелёной, а потом они уже с Ленкой сцепились. А я тут ни при чём. Ленка просто платье мне помогала нести до подъезда.

– Так, понятно, что всё равно ничего не понятно.

– Колька вчера в парикмахерской свою бывшую встретил и сказал, что завтра на свадьбу. Та и подумала, что у него с Ленкой свадьба и решила отомстить, вот и всё.

– Теперь понятно. Ну, а что ты платье это своё держишь?

Родственники где?

– Квартиру я тут снимаю у Ленки, пока она у своего живёт. Мои сейчас у жениха, – Злата вновь разрыдалась. – У меня даже платья подходящего нет. Думаю, как постирать это.

– А ну-ка вставай, тоже мне проблема, – Юля схватила девушку за плечо, – вставай!

Она забрала у девушки платье и посмотрела на неё оценивающе.

– Очень хорошо. Просто отлично! Иди умывайся, а то от причёски и макияжа совсем ничего не осталось, жених же ждёт, какая квартира?

– Сорок пятая. Эта, – показала девушка на квартиру.

– Жди, я сейчас, – и Юля убежала к себе.

Не разуваясь в коридоре, она прошла в комнату и достала

чемодан. Расстегнула его и почувствовала, как сильно бьётся её сердце.

Зачем Юля хранила это платье, она уже и не могла вспомнить, пыталась продать – не брали, потом хотела сдать в прокат, но тоже не нашлось желающих, то размер не подходил, то фасон.

Юля достала из чемодана нежное, белоснежное платье. Тогда, семь лет назад, она так и не вышла замуж, передумала. Хотелось по любви, а не по расчёту, и будущая невеста решила отказаться. А платье осталось лежать, ждать чего-то. Юля поняла, вот этого часа ждало платье, дожидалось девушку Злату.

Юля встряхнула платье, схватила с полки в коридоре ручной отпариватель и спустилась в сорок пятую квартиру.

– Нет, я не могу, говорят, что чужое платье нельзя.

– На нём этикетка! – показала Юля. – Оно совершенно новое, и хочу заметить, ситуация безвыходная!

Злата вздохнула и протянула руку.

– Немного подошьём и будет как раз, мне коротковато было, а тебе... подожди, а туфли?

– Вот туфли.

– Так, – Юля отошла от невесты и вновь оценивающе посмотрела, – и подшивать ничего не надо! Затянем шнуровку и всё. Ленка-то где?

– Не знаю, – с грустью ответила Злата.

– Выкуп будет? Я смотрю, готовились.

– Хотелось бы, сейчас уже все приедут, – грустно взглянула на часы невеста.

– Ой, а сколько стоит платье, у меня денег нет, – Злата прикрыла руками рот.

– Дарю. Это будет мой свадебный подарок. Мне платье уже давно мало, по назначению его использовать всё равно не смогу.

– Это слишком дорого для меня, я прошу взамен быть на моей свадьбе.

– У меня столько дел, – хотела отказаться Юля.

– Нет, нет, не отказывайте мне, пожалуйста, – ответила девушка, – вы спасли меня, и я настаиваю.

Юля улыбнулась. Авантюра ей почему-то понравилась.

– Так... где невеста, почему дверь открыта, украдут раньше времени и всё! – в комнату вошёл мужчина. Парадно-выходной вид ужасно шёл ему.

– Костя! – Злата обрадовалась и бросилась мужчине на шею. – Костя, это...

Злата обернулась к Юле и поняла, что не знает, как её зовут.

Юля, протянула руку:

– Юля.

– Это Константин, старший брат жениха.

Огромная крепкая рука ласково обняла мягкую женскую руку.

– Юля должна быть на свадьбе, я прошу тебя, Костя, при-

глядывай за моей спасительницей.

– Ого! – улыбнулся мужчина, – даже так. А Ленка где?

– Ленка синяки замажет и прибежит, я её очень жду, – Злата стала искать что-то.

– Я переоденусь и вернусь, – ответила Юля и попыталась вынуть руку из его руки.

– Какая квартира? Вдруг вы сбежите? – спросил Костя, подойдя слишком близко.

– Шестьдесят... третья, – запнулась Юля, и Константин сразу отпустил руку.

Юля быстро собрала волосы, нанесла лёгкий макияж и открыла дверцы шкафа. Задумчивость быстро прошла, как только пальцы коснулись красного бархата. Вдруг захотелось выглядеть сногшибательно.

– Ну и что, что тридцать, самый сок, – подумала Юля и решительно взялась за нужные плечики.

Константин стоял на площадке, когда Юля спустилась, он явно был очарован, даже вынул руки из карманов и слегка коснулся ими брюк – вспотели ладони. Ему даже не мгновение показалось, что в его жизни происходит что-то важное, и свадьба брата быстро отошла на второй план.

Юля не подавала вида, что этот мужчина ей симпатичен, и немного отстранилась, когда подошла. Тогда Константин сам сделал шаг вперёд и пригласил поехать в ЗАГС на его машине.

Выкуп провели быстро, расселись по машинам и быстро

отправились в ЗАГС.

– Что там случилось, что Злата считает вас спасительницей?

Юля пожала плечами, когда увидела, что мужчина смотрит на неё в зеркало заднего вида.

– Ничего такого, платье своё подарила, ей испортили свадебное.

– А... Вы не просто красивая женщина, у вас ещё и душа открытая, вы добрая. Платье, кстати, прекрасное.

– Мне оно просто уже не нужно, а Злате как раз, почему не помочь.

– Вы давно с невестой знакомы? – продолжал интересоваться мужчина.

– Два часа назад и познакомились.

– Я так и думал, что недавно. Я вас раньше не видел, да и по возрасту...

Юля прищурилась.

– Простите за бестактность, я не то имел в виду.

Юля немного рассердилась, но Костя быстро сменил тему и стал рассказывать что-то смешное. После официальной части молодые поехали фотографироваться, а Константин пригласил Юлю сразу в ресторан, ему нужно было уладить кое-какие формальности.

Торжество получилось весёлое, несмотря на небольшое количество гостей. Но такое тёплое и семейное, что Юля вдруг почувствовала, как ей хорошо в этой компании, как

уютно и по-домашнему, хотя многие гости видели друг друга впервые. У Юли такого не было. Родственники, конечно, были, но другие. Костя всё время проводил рядом, ухаживал и в конце праздника отвёз домой.

– Сейчас приеду домой, открою коньяк и начну праздновать, устал, – резюмировал Константин, – тяжело быть трезвым на свадьбе брата.

Юля улыбнулась.

– Мне очень понравилось, так хорошо посидели. Я бы, кстати, от вина тоже не отказалась, коньяк не пью. Может, зайдёшь?

– Нет и нет, потому что я выпью и начну приставать.

– Мы же взрослые, свободные люди, что здесь плохого.

Костя вернулся к машине, достал пакет и, выставив вперёд согнутую руку, пригласив Юлю взяться за неё.

Больше Юля и Костя не расставались и позже поженились. Вот так свадебное платье, которое Юля хранила в чемодане, подарило девушке новую любовь.

Телеграмма

– Любишь?

– Люблю, – прижимаясь сильнее к Семёну, выпалила Ксюша.

– Тогда пошли ко мне.

– Вот так сразу? – всматриваясь в карие его глаза, спросила она.

Семён улыбнулся и пожал плечами.

– Тебе за тридцать, мне тоже, мы свободные взрослые люди, почему нет?

Ксения вжалась в его тёплый полушубок и посмотрела на него снова. Пар от дыхания окутывал лицо, оседал белыми иголками на шапке и шарфе.

– Идём, – тихо ответила она.

– Побежали, холодно, – дёрнул Семён её и увлёк за собой.

* * *

Ксения накинула шаль и подошла к окну. Сквозь замёрзшее стекло пробивался огонёк уличного фонаря.

– Я домой, мать ждёт.

– Останься. Тебе же не шестнадцать, чтобы предупредить, – Семён дотянулся до неё и потянул на себя, увлекая

на кровать.

– Я не предупредила, так нельзя. Мы с ней вдвоём живём. Она будет волноваться.

– Ну и иди, – буркнул он.

– Обиделся, что ли? – Ксения повернулась и увидела, что Семён накрылся одеялом. – В следующий раз, хорошо? Семён ничего не ответил.

* * *

Дома мать сидела в кресле в полной темноте, сложив руки на коленях, и следила за медленно ползущей стрелкой на часах.

Ксения, стараясь не шуметь, разделась в прихожей, почти не издавая звуков, и тихо прошла в комнату.

– Ксюша, – мать обратилась к дочери так, что было понятно, что начинается длинный монолог о том, что мать нужно предупреждать, если задерживаешься, ведь она переживает за неё.

– Мам, я спать, завтра на работу рано вставать, я не готова к разговору, – перебила дочь.

– Если это серьёзно, то я буду только рада.

Ксюша застыла на мгновение, перестав расправлять кровать, и, повернувшись к матери, сказала:

– Серьёзно.

В квартире было прохладно. Ксюша залезла под одеяло

и накрылась покрывалом. Мать тоже молча легла к себе на диван.

– Мам, я вдруг поняла, что хочу семью, что хочу быть любимой и любить, хочу детей. Всё хочу!

– Да-а, – протяжно, с ноткой сожаления добавила мать.

– Его зовут Семён. Он на вахту приехал. Мы решили, что он вернётся домой в Сочи, устроится там и вызовет меня телеграммой. Мам, я уеду, прости меня. Я так хочу увидеть море! Я не хотела сначала говорить, но не смогу уехать просто так.

Мать тяжело задышала и, чтобы не выдать себя, закрыла рот рукой.

– Мне уже тридцать два, мам, я хочу свою жизнь. Не хочу, как...

– Как я? – резко прервала её мать. – Я вырастила тебя одна!

– Отдала лучшие годы своей жизни, мам, не начинай эту пластинку, – Ксюша подняла подушку и накрылась ею.

– Знаешь, – в голосе матери появилась радостная нотка, – я познакомилась с твоим отцом в парке. Катались с девочками на коньках. Ну как на коньках, самодельные такие. И он. В форме. Мимо проходил. Я голову сразу потеряла.

– А потом оказалось, что форму он брал у соседа по квартире, где они жили. Приглашал меня к себе, говорил, что живёт с матерью. Сосед с хозяйкой всегда отсутствовали... И я поверила. Поверила вот в это всё: в любовь, в детей, в се-

мью, в него. А потом он уехал. И женщина, у которой они жили, рассказала, что знала. А потом появилась ты. Я хочу, чтобы у тебя было иначе.

– Я тоже, мам, давай спать, завтра рано вставать.

* * *

Дни понеслись с резвостью запряжённой тройки, подгоняемой ямщиком. Всё вертелось и крутилось, словно метель, не желавшая передавать свои права весенним капелям. И ухнуло всё вниз в один миг.

Семён уехал. Быстро. Скомканно. Простившись на ходу с Ксенией. Она сникла и всё больше грустила, прислушиваясь вечерами к шагам на лестничной площадке. Она ждала почтальона. Ждала каждый день. Всё, что она хотела услышать от матери, возвращаясь домой, – это ответ: пришла или нет. Телеграмма.

Отказ от еды, сонное состояние дочери было списано матерью на серьёзные переживания. Если бы...

– Тошнит? – спросила мать у дочери как-то утром.

– Да, немного, я плохо спала.

– Ребёнок у тебя будет... – мать произнесла это как-то обречённо и села на диван, скрестив руки на коленях. Эта ситуация была ей так знакома.

Ксюша посмотрела на мать и, растерявшись, не нашлась, что сказать. На следующий день в женской консультации по-

жилая врач подтвердила наличие беременности.

– Мам, ну что ты говоришь, кому я напишу, на деревню дедушке? Я не знаю его адреса. Фамилию мельком видела один раз в документах, – Ксюша оправдывалась и продолжала ждать. Телеграмму.

Теперь дни тянулись словно качественная бельевая резинка. Долго и нудно. В один из субботних дней в квартиру позвонили. Ксюша вскочила и бросилась к двери.

– Акимова? – спросила женщина-почтальон.

Ксения кивнула.

– Распишитесь.

Ксюша чиркнула на листке. Почтальон протянула Ксении небольшую бумажку и поспешила выйти.

– Ну что там, Ксюша? – с интересом спросила мать. – Телеграмма?

Та же пожилая врач в женской консультации двадцать минут рассказывала Ксении о том, что дети – это прекрасно. Быть матерью – дано не каждой женщине, и после проведённой процедуры прерывания беременности могут быть осложнения.

Ксения не смотрела на врача, она смотрела в окно. Смотрела на пролетающие облака и хотела одного – закончить начатое дело.

Направление жгло. Колело и обжигало через сумочку, когда та слегка касалась её при движении. Простой листок бумаги с окончательным решением, казалось, весил несколько

килограммов и тяготил. До больницы оставалось несколько метров. Ксюша остановилась, ещё раз посмотрела на несущиеся по небу облака и сделала шаг к двери.

* * *

Море ласково пело, накатывая лёгкие волны на берег. На сочинском пляже было многолюдно и жарко. Ярко светило солнце, устремляясь всё выше и выше.

Ксюша расстелила небольшое полотенце на свободном клочке земли и принялась намазывать руки кремом. Впервые через двадцать лет после того, как она была так влюблена и была решительно настроена переехать в Сочи, женщина смогла позволить себе отдых. Отдых на пляже. Сочи был мечтой. Теперь одна её мечта исполнилась.

– Кукуруза! Варёная кукуруза! – нудно тянул мужской голос где-то совсем близко.

– Женщина, купите кукурузу, – мужчина пихнул початок прямо Ксюше в лицо.

Ксения, сняла очки и спокойно ответила:

– Идите... дальше.

– Ксюша? Ксюша Акимова? – мужчина растянул улыбку.

Она узнала Семёна, но ответила холодно.

– Привет, Семён.

– Вот это встреча! Вот это дела! – он сел рядом с ней и протянул кукурузу.

– Нет, спасибо, – отказалась Ксюша.

– Вот это встреча... А я так и не женился, знаешь... –
А как ты? Отдыхать приехала?

– Да, отдыхать, ты же не позвал к себе. Ты же был занят сыном.

– Да... – он опустил голову, – не родился сын, а может, дочь... Скинула она ребёнка. По глупости. Или не хотела, я со свадьбой всё тянул.

– Ну, ладно обо мне. Как ты? Обижаешься?

– На что? Что обманул? А что обижаться. Жалею только, что не сохранила ребёнка. Сейчас уже учился бы или училась где-нибудь в университете, – Ксюше хотелось пытать его. Говорить слова, словно втыкать иголки под пальцы. Ей нестерпимо хотелось, чтобы он страдал.

– Пойдём ко мне. Я здесь недалеко живу, один, – сказал он.

– Не-ет, – протянула она. – Второй раз на ту же удочку я не хочу.

– Прости меня, Ксюш, если бы я знал...

– И что? Что бы ты сделал?

– Сам бы приехал!

– Ну, так приезжай, если готов. Адрес у меня не поменялся. Только без телеграмм. Просто. Сам, – Ксюша надела очки и легла на полотенце. – Не загораживай солнце, пожалуйста. Семён отодвинулся сначала, а после встал и ушёл.

Вернувшись домой, Ксюша всё чаще ловила себя на мысли, что прислушивается к шагам на лестничной площадке. Она вновь начала ждать. Зачем? Она не понимала этого сама. Воспоминания накатывали, словно волны ласкового моря, успокаивали и создавали иллюзию безмятежности.

Прошло еще почти десять лет. Пенсия наскучила. Ксюша продала квартиру и уехала жить на Чёрное море. Купить удалось только полуразвалившийся домик в двадцати минутах езды до моря, но это нисколько её не беспокоило. До того момента, пока не раздался полночный звонок.

– Акимова Ксения Андреевна? – услышала Ксюша в трубке.

– Кто вы и что хотите? – ответила вопросом на вопрос женщина.

– Полиция. Следователь Морозов. Скажите, Семён Владимирович Темников вам знаком?

Ксюша напряжённо ответила:

– Возможно.

Она знала всего одного человека с именем Семён и фамилией Темников.

– Данного гражданина обнаружили в помещении автовокзала города Норильска. При нём был паспорт и ваш адрес. Я так понимаю, что вы переехали. Может, у вас есть координаты?

наты родственников Темникова...

Но Ксюша уже не слышала, что говорил мужчина на том конце провода.

– Я приеду, прилечу первым самолётом, – кричала она в трубку.

– Хорошо. Буду ждать, Ксения Андреевна. Оpozнание в городском морге.

Бывшая тёща

На окраине деревни со стороны леса что-то полыхало. Небольшая полоска светилась, словно её начистили песком и железной щёткой. Всполохи освещали край неба и убегали обратно к земле. Оранжевый цвет сменялся багровым всего за несколько мгновений, подхватывался чёрной простынёй, через которую ничего не было видно.

Тамара Сергеевна повесила на забор пустое ведро и замерла на секунду.

– Ва-а-а-аня-я-я-я, – затянула она, заикаясь и указывая в сторону зарева, – го-о-о-о-рит.

Сосед, мирно вертевший папироску в руке, только кивнул в ответ:

– Ага, Тома, обещали завтра ветер, вот всё красно, ты посмотри.

Тамара Сергеевна замахала руками.

– Горит, Ваня, – она схватила то самое ведро, что только что повесила, зачерпнула из бочки воды и побежала.

В калошах бежать было тяжело, плескавшаяся в ведре вода выливалась через край и попадала в обувь. Холодная вода хлюпала в калошах, быстро впитываясь в шерстяные носки, от этого бежать было ещё тяжелее. Было ощущение, что на ноги привязали гири. Посмотри кто со стороны – смешно. Маленькая, хрупкая женщина и такие калоши-гири на ногах.

Но смешно не было, Тамара бежала помогать.

Из домов то и дело выскакивали люди, кто-то кричал, что горит дом, и стучал в двери соседей; кто-то хватал, что попадалось под руку, – все устремились туда, где нужна была помощь.

Старенький дом полыхал уже весь. Осень, сухая и солнечная, высушила всё, что теперь с таким аппетитом пожирал огонь. Вёдрами уже ничего потушить было нельзя. Собравшийся народ отходил от сваленного дощатого забора всё дальше и дальше, раздвигая полукольцо.

– Женька где? – Тамара кидалась от одного знакомого лица к другому.

– Видела, все успели выбежать, – махнула рукой куда-то в левую сторону соседка погорельцев.

Тамара Сергеевна пробежалась глазами по лицам. Потом увидела две спины: согнувшуюся женскую и приобнявшую её мужскую.

– Живы! – воскликнула Тамара Сергеевна.

Евгений обернулся, и бывшая тёща увидела двух мальчиков, прижимающихся к своей матери.

– Слава Богу, Женя, все живы!

– Да, живы, Тамара Сергеевна, но вот всё там и осталось, в чём выбежали, – мужчина развёл руками и вновь прижал к себе жену. Новую.

Тамаре Сергеевне этот жест-оберег не понравился, она вспомнила свою дочь Лену, вспомнила, как Женька обнимал

её, словно забирал под крыло. Во рту у неё ужасно пересохло и захотелось пить.

Тамара постояла ещё немного, забрала своё ведро и пошла домой.

Дом догорал, он стоял самым крайним у леса. Мужики пригнали трактор и сделали борозду, чтобы огонь невзначай не бросился гулять по лесу.

С другой стороны стоял заброшенный участок без построек. Полосу вдоль забора кто-то полил водой, чтобы разыгравшемуся пламени некуда больше было идти. Через несколько часов всё было кончено. Несколько соседей остались дежурить у дома, чтобы не началось чего страшного, остальные разошлись.

– Чего случилось-то, не узнала, это зятя твоего дом? – сосед Иван догнал Тамару по дороге домой.

Она пожала плечами. Десять лет прошло, а она всё не может забыть. Боль эта так отпечаталась в сердце, что до сих пор заставляла рыдать ночами в подушку.

А сейчас увидела бывшего зятя и всё по новой. И постарел он, и уже седина побелила виски, и женат на другой женщине, а отпускать Тамару скорбь, как оказалось, и не собиралась.

Столько времени прошло, а перед глазами у Томи так и стояла полынья на реке.

На первый семейный праздник после свадьбы – год брака, дочь с мужем решили сделать себе дорогой подарок – купить

холодильник, заказали в райцентре, а забрать всё никак не могли. Женьке не давали выходной на работе, и тогда Лена с отцом поехали забирать покупку сами. На обратной дороге решили срезать путь, хотя весна уже шла вовсю, понадеялись на лёд, а он оказался уже тонким. Так и осталась Тамара без мужа и без дочери в одночасье.

Женька из деревни не уехал, женился позже, купили они на материнский капитал старенький домик у леса, двух сыновей родили и жили. Тамара не интересовалась, как и что у них. Каждая встреча с кем-то из теперь уже новой семьи давалась ей тяжело, очень, вот и сторонилась Тамара Сергеевна, теперь уже бывшая тёща, и зятя, и его жену с детьми.

* * *

На следующей неделе пошёл дождь. Дождь словно включили и забыли выключить. Он шёл почти неделю не переставая. К понедельнику дожди ослабли, и Тамара выбралась на почту получить пенсию.

В уголке, на единственном столе в крошечном здании почты, жена бывшего зятя вскрывала посылку. Крашеная худенькая блондинка с крупным для её крошечного личика носом не нравилась Тамаре. Она казалась женщине надменной. Щурила свои карие глаза и никогда не улыбалась при встрече.

Ящик был тяжёлым. Блондинка его пыталась вскрыть, но,

видимо, было нечем. Тамара уже получила пенсию, а блондинка так и пыхла над объёмным предметом. Тома вздохнула и подошла к ней.

– Здравствуйте, Тамара Сергеевна, – виновато сказала та.

– День добрый, Вера. Отправляешь что или получила?

– Получила, от брата. А тяжело, не донесу.

Тамара пришла на почту с сумкой на колёсиках, хотела на обратном пути зайти в магазин, пополнить запасы, но решила помочь.

– На колёсах довезём, где Женька? Чего не забрал сам? – Тамара Сергеевна протянула руки к посылке. Блондинка обрадованно стала помогать водружать ящик сверху и затягивать верёвками.

– Я сама, – Вера схватила ручку тележки. – В район поехал. Обещали помочь, а из помощи только машину и выделили, чтобы собрать сгоревшее и вывести. А рабочих не выделили, кому скидывать всё это? Денег у нас нет пока свободных.

Тамара понимающе закивала.

– Живёте где?

– В долг сняли комнату у соседки напротив, у Семёновых.

– В долг? Вон оно что. А что так не пустили они?

– Да кому мы нужны так, Тамара Сергеевна. У всех свои беды и печали.

– А твои родители что?

– Моих нет давно, брат меня воспитывал. Вот, сейчас по-

сылку прислал, сказал, что денег с получки обязательно переведёт.

Они шли не спеша, разговаривали. Вера уже не казалась Тамаре такой надменной, обычная женщина, вот идёт и делится всем, что на сердце, без утайки, честно. Не просит ничего, просто накопилось, вот и не удержалась, рассказывает.

У дома Тамары Сергеевны Вера остановилась.

– Сейчас увезу посылку и верну сумку, спасибо вам!

– Да не за что, было бы...

– За всё спасибо... и что выслушали, – тише добавила Вера.

В ту ночь Тамара Сергеевна почти не спала. Её то морозило, то бросало в жар. Под утро она догадалась измерить температуру. Высокая. На почте перед ней в очереди стоял больной мужчина, он всё время чихал и сморкался в большой платок.

– Подхватила, – разочарованно подумала женщина и закрыла глаза. Встать не хотелось.

– Тамара Сергеевна, вы дома? Тамара Сергеевна, – дверь открылась, и на пороге появилась Вера.

Тома постаралась быстро встать с кровати, не получилось.

– Верочка, я заболела, не заходи.

– Я сумку вернула, вот, – Вера поставила сумку у входа, разулась и прошла в комнату.

– Спасибо за сумку, – в первый раз улыбнулась она.

– Да не за что, вот заболела, прости, что не встречаю.

– Лечитесь, Тамара Сергеевна, я загляну после работы, проведу.

Вечером Вера, действительно, зашла проведать Тамару Сергеевну, принесла суп и плетёнку с маком.

– Ой, Вера, это вам помогать сейчас надо, а не мне, зачем?

– Не пообедем мы от тарелки супа, а сдобу мне на работе дали, на одну больше, я прямо сразу о вас и подумала, как кстати эта лишняя плетёнка.

Вера ушла, а Тамара Сергеевна села у окна смотреть ей вслед и почему-то подумала, что зятю её бывшему повезло. Не такая уж и плохая оказалась эта Вера.

* * *

В следующий раз Тамара Сергеевна встретила уже с Евгением в магазине.

Декабрь пришёл в регион одновременно с трескучими морозами. Всё вокруг покрывая причудливыми узорами.

Женя долго стоял у прилавка, что-то высматривая. Тамара Сергеевна купила муки, килограмм сахара и уже собралась уйти, но подошла к мужчине.

– Здравствуй, Женя!

– Тамара Сергеевна. – она заметила, как он смял в руке тысячную купюру.

– Как вы? Как живёте? Всё ещё снимаете?

– Да, нет, дорого выходит. Баня же уцелела, благо далеко

стоит, в неё и переехали. Перезимуем, – он махнул рукой, – а там видно будет.

– А купить что хотел, долго, смотрю, стоишь?

– Да вот, думаю на Новый год мальчишкам железную дорожку купить, да дорогая, зараза. С аванса возьму, – Евгений немного смутился. – Домой? Я на обед еду, подброшу.

Всю дорогу домой Тамара Сергеевна молчала. Она не могла поверить, что они всей семьёй живут в бане! И ведь никому до них нет дела.

– Жень, а может, у меня перезимуете? – вдруг предложила женщина.

– Как у вас?

– У меня такой большой дом, одна я живу, переезжайте. А потеплеет, там уже на своём участке и начнёте работу. Жалко мальчишек, в бане-то жить. Не спартанцы же.

– Это да, ну а что поделать. Новый дом нам никто не даст. На себя только и можем рассчитывать. В райцентр я езжу как на работу. Лес обещали дать и то хорошо.

У своего дома Тамара Сергеевна ещё раз сказала:

– Ты переговори с Верой, не чужие мы люди, Жень. Есть у меня возможность вам помочь, почему и нет. Да и опека узнает, что ты с детьми в бане живёшь – молчать не станут, заберут детей.

Евгений не ответил, серьёзное лицо его стало задумчивым.

Дома он долго не начинал разговор с женой. Всё сидел

в самом тёмном углу и крепко сжимал зубы.

– Случилось что? – Вера уловила напряжение, которым уже было пропитано всё вокруг.

– Тамару Сергеевну сегодня видел в магазине, потом до-
мой подвёз. Она предлагает нам к ней переехать зимовать.

Вера замерла.

– Отказал? – быстро спросила жена.

– Ничего не ответил.

– Слушай, а вообще, Тамара Сергеевна какой человек?
Мне показалось, хорошая женщина.

Евгений кивнул:

– Но есть у меня чувство, что как меня видит, на душе
у неё всё переворачивается, она же дочь сразу свою вспоми-
нает.

– Так и есть, Женя, так и есть. А может то, что вы чаще
встречаться будете, ей только на пользу пойдёт. Опять же,
мальчишки повеселят. Детей и внуков у неё нет. Не думаю,
что она с выгодой какой-то тебе это предложила, от чистого
сердца же?

– Что точно, то точно. Добрая она.

– Ты вот сказал – я прямо сразу против была, а теперь по-
думала. Ничего не теряем, обратно всегда перебраться мож-
но. Я о детях подумала. Ну что тут у нас, – она обвела вокруг.
И ещё. Добро надо тоже уметь принимать, не только делать.

Через три дня в субботу Евгений приехал к Тамаре Сергеевне на рабочей машине. Зашёл. Долго мялся в пороге, крутил шапку.

– Чего стоишь, проходи, садись.

– Я это... Мы это... Условие есть у меня. Дровами нашими топить дом будем. Дрова у нас уцелели, вон привёз в машине.

Тамара Сергеевна выглянула в окно.

– А чего не сгрузил, знаешь же, где ворота открываются? – рассмеялась она его неуклюжести и вспомнила, как в первый раз его дочь привела знакомиться, стоял, шапку мял.

Женя тоже хмыкнул, повеселел, надел шапку и вышел.

Тамара Сергеевна подошла к комоду и взяла с него огромную коробку с игрушечной железной дорогой. Новогодний подарок нужно было перепрятать в сундук, вдруг ненароком мальчишки увидят игрушку раньше времени.

Возвращение

Тамара сильно сжала губы и внимательнее посмотрела на фотографию. Сердце замерло... С цветного снимка не самого лучшего качества, улыбаясь, смотрела юная девушка в белом платье, так похожая на саму Тамару...

Автобус, на котором Тамара с понедельника по пятницу возвращалась с работы, в этот вечер не вышел в рейс, и ей пришлось ждать следующий. Через тридцать минут на остановку прибыл ещё один автобус под номером сорок пять и Тамара, наконец, отправилась домой.

На одном из сидений освободилось место, и женщина сразу заняла его. Ноги ныли от стоячей работы в небольшом музее, где Тамара проводила экскурсии.

– Томка? – удивлённо спросила женщина, сидевшая рядом.

Тамара посмотрела на соседку и, перебирая в памяти лица, вдруг улыбнулась:

– Света!

Когда-то в детстве и юности до самого поступления в институт девчонки дружили. Крепко, заливисто.

Светлана схватила Тамару за руку и, чуть прикрывая глаза, заулыбалась.

– Не ожидала тебя встретить! Ты какими судьбами здесь? – интересовалась Тамара.

– Так я по работе, в командировке.

– Пойдём ко мне, я недалеко здесь живу, поговорим, – упрашивала Тамара.

– Не могу, правда. Надо уезжать, через два часа поезд.

– Понятно, ну как сама, расскажи, как жизнь сложилась?

– Хорошо. Замужем, две дочери. Подожди, сейчас фотографии покажу, – и Светлана достала из кармана сумки несколько цветных снимков.

– Вот старшая, да. Это мы с мужем на море в прошлом году. А вот младшая на свадьбе у твоей.

– У кого – моей?

– У Насти твоей. Невеста – дочь твоя, не узнала что ли?

Тамара почувствовала, как нервно начала пульсировать её левая нога, сердце вдруг замерло. «Настенька».

– Слушай, а ты когда последний раз дома была?

– Двадцать лет назад, – не отрывая взгляд от фотографии, ответила Тамара.

– А с Настей не общаешься, что ли?

Тамара покачала головой.

– Так ты не знаешь... Колька твой вместе с Настиним мужем угорели в прошлом году в гараже. Дочь твоя одна детей тянет. Бабушка ты, двое внуков у тебя.

Тамара вдруг растерялась. Она жила в своём коконе более двадцати лет и не хотела ничего менять, а тут... Много лет назад силилась всё забыть, а теперь действительно требовалось вспомнить хоть что-то.

– Ой, Тома, мне пора бежать, моя остановка, ты приезжай к нам, приезжай.

Тамара, пропустив Светлану к выходу из автобуса, ещё долго провожала подругу детства взглядом. Память стала наматывать в клубок воспоминания. Сладкие, хорошие, счастливые.

После воспоминаний о девичьей дружбе тут же всплыл и день знакомства с Николаем. День, когда она с будущим мужем осталась наедине. Тот бушующий май с его проливными дождями и грозами. Маленькая каптёрка у здания университета, чай в железной кружке...

– Выходите? – спросил мужчина за спиной, и Тамара вынырнула из воспоминаний.

– Да, да.

«Ты станешь моей женой?». «Да, но не сейчас», – воспоминания тянулись за Тамарой до самого дома.

«Ребёнок мне не нужен!» – кричала она на Николая.

«Роди мне, распишемся, а потом как хочешь».

Замужних с детьми не направляли никуда, можно было спокойно жить, учиться и растить дочь. Но Тамара ждала направления, просилась сама, ей хотелось походов, исследований, раскопок...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.